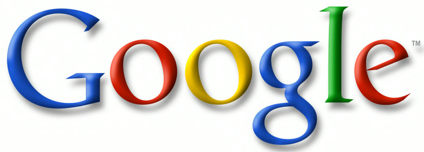

АФГАНИСТАНЪ

И

АНГЛИЧАНЕ.

Afganistan'

АФГАНИСТАНЪ

i

И

Anglichane

АНГЛИЧАНЕ

v 1841 i 1842 godakh.

ВЪ 1841 И 1842 ГОДАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Карла Фридриха Нейманна.

Karl Friedrich Neimann

ПЕРЕВЕДЕНО ПО ПОРУЧЕНІЮ

П. В. Голубкова,

Русскаго Географическаго Общества Дѣйствительнаго Члена и Члена Соревнователя, Почетнаго Члена Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книги. Августа 20-го дня, 1848 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Сочиненіе это, помѣщенное въ раумеровомъ Историческомъ Альманахѣ за 1847 годъ, носитъ въ подлинникѣ названіе Trauerspiel in Afghanistan, Трагедія въ Афганистанѣ. Подобное названіе можетъ, при отдѣльномъ изданіи этой монографіи, ввести читателя въ недоумѣніе относительно настоящаго ея содержанія. Кромѣ того, у издателя хранится въ рукописи сочиненіе: *Россія и Персія съ* 1836 *по* 1839 *годъ*, къ которому сочиненіе Неймана служитъ

какъ бы дополненіемъ и продолженіемъ. По этимъ причинамъ сочтено приличнымъ замѣнить въ переводѣ названіе, данное г. Нейманномъ своему сочиненію, другимъ: Афганистанъ и Англичане въ 1841 и 1842 годахъ.

Считать Индъ границею Индостана — величайшее невѣжество, какъ въ географическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Рѣки не раздѣляютъ, но напротивъ соединяютъ людей; поэтому обыкновенно одни и тѣ же племена живутъ по обоимъ берегамъ рѣки. Въ особенности же Индъ, начиная отъ устья, до присоединенія къ нему рѣкъ Пенджаба, не составляетъ ни оборонительной линіи, ни военной границы. Если войско разбито близъ этого пункта, непріятелю, какъ доказано уже многими историческими событіями, открывается цѣлый Индостанъ: этому войску

нельзя даже возвратиться на ближайшую операціонную линію, которая въ такомъ случаѣ можетъ находиться только за большою пустынею, простирающеюся отъ запада къ востоку, болѣе чѣмъ на шестьдесятъ нѣмецкихъ миль. Внизу своего теченія, съ восточной стороны рѣка почти непроходима для многочисленнаго войска; военная сила, занявши тамъ мѣсто, могла бы сообщаться постоянно только съ Бомбеемъ, посредствомъ пароходовъ. Но этимъ бы конечно не ограничился дальновидный полководецъ, въ случаѣ, если бы дѣло шло о судьбѣ Индіи. Не менѣе опасно было бы дать рѣшительное сраженіе у средняго Инда, по ту сторону Пенджаба, на атокской равнинѣ, въ ширину и длину простирающейся на четыре или на пять нѣмецкихъ миль. Разбитая армія должна бы была отступать одною изъ безплоднѣйшихъ и непроходимѣй-

шихъ странъ Азіи, гдѣ по причинѣ частыхъ дождей невозможно проходить артиллеріи и вьючнымъ животнымъ. Отъ Инда къ Сетледжу отступающее войско ожидаютъ всѣ возможныя невыгоды и притомъ, отовсюду оно можетъ быть обойдено непріятелемъ. Если же напротивъ, двигаясь съ запада, армія была бы разбита близъ Атока, то она могла бы безъ большаго труда возвратиться назадъ на крѣпкія позиціи, страною, гдѣ дожди не такъ часты и гдѣ жизненныя средства не такъ скоро могутъ истощиться. Наступающее войско могло бы здѣсь войти въ сношенія съ сосѣдними афганскими племенами и спокойно прожить цѣлый годъ, тогда какъ дождливое время, если не совсѣмъ отрѣзываетъ, то, покрайней мѣрѣ, весьма затрудняетъ подвозъ припасовъ къ восточнымъ берегамъ Инда.

Различные народы предпринимавшіе завоеванія въ Индостанѣ и основывавшіе тамъ большія царства, старались вообще, побуждаемые естественными условіями этихъ странъ, овладѣть путями къ Индіи, горными странами Афганистана. Впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій, всѣ усилія ихъ направлены были къ тому, чтобы основаться въ Кабулѣ и Кандагарѣ, двухъ мѣстахъ, которыя, какъ говоритъ дальновидный и многосвѣдущій министръ и другъ Акбера, съ древнѣйшихъ временъ считались вратами Индостана; первое открываетъ входъ отъ Турана, второе отъ Ирана. Если хорошо защищены эти врата, Индія безопасна отъ вторженій чужеземцевъ (*). И англичане должны, хотя, разумѣется, съ сильнымъ сопротивленіемъ,

---

(*) Hügel. Kaschmir und das Reich der Siek. III. стр. 431 и слѣд.

овладѣть этими мѣстами, если они хотятъ обезопасить свое государство, свое владычество надъ Пенджабомъ и Индомъ. Они протянутъ наконецъ свою западную оборонительную линію въ горныя страны между Кабуломъ и Гератомъ, и вѣроятно даже за Гератъ, до соляной пустыни, отдѣляющей Хорасанъ отъ плодоносныхъ полей Ирака. Только это можетъ заставить племена Индостана повѣрить въ незыблемость британскаго владычества. Афганистанъ — ахиллова пятка, единственная уязвимая сторона обладателей морей — и покореніе этой страны, не разъ наносившей имъ бѣды, всегда будетъ радостною вѣстью для Индусовъ. Слѣдовательно, походъ въ Афганистанъ не есть непростительная политическая ошибка, какъ думаютъ нѣкоторые вслѣдствіе поверхностнаго взгляда на вещи или увлекаясь духомъ партіи: рано или поздно, это неизбѣжно должно

было случиться. Только то, какъ принялись за это дѣло; — соперничество, эгоизмъ и слабость чиновниковъ и генераловъ, совершенное отсутствіе порядка въ отношеніяхъ, — невѣжественное въ высшей степени управленіе страною, должны по всей справедливости возбуждать наше изумленіе и негодованіе.

Обладаніе Индомъ и открытымъ торговымъ путемъ по рѣкѣ, направило вниманіе индійскаго правительства на владѣнія по берегамъ рѣки и въ странахъ средней Азіи, ибо новая дорога возбудила настоятельную нужду заключать съ ними новые союзы или возобновлять прежніе. До сихъ поръ еще говорится только о торговлѣ и о мирныхъ гражданскихъ сношеніяхъ; но извѣстно уже нѣсколько столѣтій, что значатъ эти слова въ устахъ европейцевъ въ Азіи. Когда Восточные

князьки и племена не хотятъ позволить обманывать себя подъ именемъ дружественно торговыхъ сношеній, угрозы и сила оружія принуждаютъ ихъ къ неограниченному повиновенію. Такъ было прежде, также точно и теперь.

Достъ-Мухаммедъ считался всегда способнѣйшимъ и дальновиднѣйшимъ изъ всѣхъ братьевъ Баракси. Въ самой наружности его есть нѣчто поражающее, внушающее уваженіе. Въ лицѣ его, въ огненныхъ черныхъ глазахъ просвѣчиваетъ высокій умъ; заботы прорыли раннія глубокія морщины на его высокомъ челѣ и убѣлили его волосы; находясь еще въ лѣтахъ мужества, Достъ-Мухаммедъ кажется уже старикомъ; но эту старость забываешь при взглядѣ на одушевленныя черты, данныя ему природою, на прекрасныя манеры, пріобрѣтенныя имъ самимъ,

неизмѣнныя въ счастіи и въ несчастіи (*). Владѣнія эмира простирались на сѣверъ отъ Гиндукуша и Баміана до Гизни, и отъ Нимлахскаго сада на востокѣ до горныхъ странъ Хасараха на западѣ. Онъ основалъ свою резиденцію въ Кабулѣ, самой природою назначенномъ быть главнымъ городомъ государства, какъ въ политическомъ, такъ равно и въ торговомъ отношеніи; управленіе Гизни передалъ онъ своему брату. Дѣятельностью и благора-

(*) Многіе англичане, видѣвшіе его, писали о немъ, какъ о любезнѣйшемъ человѣкѣ. Знаменитый браминъ Дварканатъ-Тагоръ, первый изъ браминовъ посѣтившій европейскія страны, говоритъ то же самое. Въ Лондонѣ показывали панораму Кабула, по рисункамъ снятымъ на мѣстѣ де Биньемъ, гдѣ являются всѣ главныя дѣйствующія лица великой афганистанской драмы: Достъ, Акберъ, Бёрнсъ, Виткевичъ. Портретъ эмира можно найти въ сочиненіи *Бёрнса*: Cabool. London. 1842.

зуміемъ, человѣколюбіемъ и справедливостью прославился онъ во всѣхъ округахъ Афганистана и даже за предѣлами этой страны. Ежедневно въ своемъ главномъ городѣ, садился онъ судить рядомъ съ кади и муллою; самъ разрѣшалъ спорные случаи на основаніи корана, законныхъ книгъ и афганскаго обычнаго права. И это не было одною только лицемѣрною внѣшностью, обманчивой справедливостью, какъ бываетѣ часто у деспотовъ. Правосудіе эмира, несмотря на то, что часто онъ долженъ былъ поступать по обстоятельствамъ, проявлялось во всемъ управленіи государства. Всѣ классы народа прославляли его; земледѣлецъ былъ защищенъ отъ насилія и произвола; горожанинъ безопасно пользовался своимъ владѣніемъ и прибыткомъ; строго смотрѣлось за вѣсами и мѣрами; торговецъ доволенъ былъ обходительностью чиновниковъ и умѣренностью

пошлинъ, не превышавшихъ двухъ съ половинною процентовъ на сто; воинъ чувствовалъ себя счастливымъ, получая исправно жалованье, что очень рѣдко въ азіатскихъ государствахъ. Безпорядки, случавшіеся иногда, несмотря на все это, въ государствѣ, преступленія совершавшіяся не рѣдко, все это должно быть приписано не благородному эмиру, а безнравственному народу, корыстолюбію главъ колѣнъ и племенъ. Буквально справедливы слова Достъ-Мухаммеда по взятіи его въ плѣнъ англичанами, что: «ему недоставало силы учредить въ землѣ законный порядокъ.»

При подобныхъ обстоятельствахъ, прекрасная и плодоносная страна, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опустошенія, начала снова и быстро расцвѣтать. Торговцы, съ полною безопастностью проѣзжая государство

изъ конца въ конецъ, чего не было при короляхъ Дурани, стремились толпами въ Кабулъ; городской базаръ былъ заваленъ товарами Запада и Востока, и сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Азіи. Число жителей города возвысилось до 60,000 душъ. Таможенные доходы такъ увеличились въ теченіе немногихъ лѣтъ, что ежегодно доставляли эмиру до 200,000 гульденовъ чистой прибыли: весь доходъ простирался до 2,000,000 гульденовъ (*). Бараксійскій глава, котораго мать была персіянка, находился притомъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ многочисленными и воинственными кизильбашами своей страны; чтобы вполнѣ усвоить себѣ ихъ привязанность, онъ выучился ихъ языку, т. е. языку турецкому. Но князь былъ ненавидимъ своими братьями, владѣльцами Кандагара

(*) *Burne's.* tr. III. 261.

и Пешавера;— они по всей справедливости боялись судьбы другихъ братьевъ: Джаббара, Султана-Мухаммеда и Мухаммеда-Симана, т. е. того, что ихъ владѣнія присоединятся къ кабульскому княжеству.

Достъ-Мухаммедъ, казалось впрочемъ, объ этомъ еще не думалъ. Какъ ревностный мухамедданинъ, заботился онъ прежде всего о томъ, чтобы исторгнуть у сейковъ ихъ завоеванія на западной сторонѣ Инда и освободить угнѣтенныхъ мусульманъ изъ-подъ тяжкаго ига Ренджита. Для этого-то, утвердившись крѣпко въ Кабулѣ, сталъ онъ искать дружбы и содѣйствія индійскаго правительства. Всѣ англичане, путешествовавшіе въ Кабулъ, между которыми одинъ изъ первыхъ былъ Муркрофтъ, были имъ принимаемы съ величайшею ласковостью; онъ прямо говорилъ съ ними о своемъ [illegible] соединить

подъ однимъ владычествомъ всю монархію Дурани и спрашивалъ Бёрнса, приметъ ли Англія его услуги и содѣйствіе для уничтоженія Ренджитъ-Синга? въ такомъ случаѣ, эмиръ обязывался выставить 12,000 человѣкъ конницы и артиллерійскій паркъ въ 20 пушекъ. Индійское правительство сочло благоприличнымъ по политическимъ причинамъ отказаться отъ его предложеній. Оно не могло пожаловаться на Ренджита, подчинявшагося безпрекословно всѣмъ его желаніямъ; притомъ оно могло полагать съ большою вѣроятностью, что въ государствѣ магараджи, вскорѣ послѣ его смерти начнутся безпорядки и оно будетъ добычею англичанъ. Во всякомъ случаѣ, чувствовало оно себя довольно могущественнымъ въ отношеніи къ сейкамъ, чтобы, при первой необходимости, тотчасъ же положить конецъ ихъ владычеству. Со стороны сей-

ковъ, Великобританіи нечего было бояться. Напротивъ того, возвышенія большой и сильной исламской монархіи на границахъ Индіи не могла она видѣть безъ неудовольствія; подозрительно смотрѣла она на планы и стремленія Баракси. Не задолго еще дуранійскіе князья предпринимали походы въ Индію и хищные афганы не позабыли еще своего владычества въ этой странѣ и своихъ грабежей. Притомъ же не только земляки ихъ въ Рогилькундѣ, но и всѣ вообще индостанскіе мухаммеддане, самые непокорные подданные Великобританіи и до сихъ поръ еще ждутъ съ запада завоевателя, который освободитъ ихъ отъ владычества невѣрныхъ. Движеніе на Индъ довольно многочисленнаго афганистанскаго войска, безъ всякаго сомнѣнія, возмутило бы весь Индостанъ и повело бы за собою, если и не важную опасность, то по крайней мѣрѣ

большія безпокойства и смуты. Понимая свой собственный интересъ, англичане не должны были соглашаться на предложенія кабульскаго эмира; а напротивъ стараться помѣшать его планамъ чѣмъ бы то ни было, хотя бы даже, при недостаточности другихъ средствъ, распространеніемъ мятежей и раздоровъ въ Кабульской странѣ, что они и не забывали дѣлать, какъ это видно изъ исторіи послѣдняго похода Шаха-Шуджи на Афганистанъ и изъ предпріятій Ренджитъ-Синга.

Достъ-Мухаммедъ хотѣлъ съ своей стороны употребить исламъ средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей; онъ старался привязать къ себѣ муллъ и распространить фанатизмъ въ народѣ, смотрѣвшемъ на него съ гордостью. Онъ принялъ названіе эмира, напоминающее халифовъ и первоначально

имѣвшее религіозное значеніе; возобновлено было даже имя хаси, принятіемъ котораго онъ изъявилъ рѣшимость до смерти бороться съ невѣрными. Духовная сила его увеличивалась, планы все болѣе и болѣе расширялись. Но дальновидный эмиръ зналъ, что одному ему не исполнить этихъ обширныхъ предпріятій, что ему нужны могущественные союзники. Отвергнутый Англіею, онъ обратился, какъ мы вскорѣ увидимъ, къ Россіи и Персіи; можетъ быть, думалъ эмиръ, съ помощію этихъ государствъ, я достигну моей цѣли— уничтоженія сейковъ и основанія сильной исламской монархіи, по мысли и плану Ахмеда-Абдалли.

Набѣгъ Шаха-Шуджи сначала до такой степени испугалъ Достъ-Мухаммеда, что онъ хотѣлъ подчиниться верховному владычеству Англіи; безъ сомнѣнія, эмиръ

слышалъ о тайной помощи, оказанной шаху со стороны индійскаго правительства черезъ посредство сейковъ. Но даже и эта просьба его была отвергнута. Въ Индіи думали, что Дурани и въ особенности Шахъ-Шуджа имѣютъ много приверженцевъ въ кабульской землѣ и что ему будетъ легко уничтожить своихъ противниковъ. Достъ-Мухаммедъ приписалъ все это, по восточному обычаю, личному расположенію лорда Бентинка къ Шаху-Шуджѣ и Ренджитъ-Сингу. Онъ еще разъ испыталъ счастье и тотчасъ же по прибытіи новаго генералъ-губернатора, лорда Оукленда, въ маѣ 1836, началъ снова искать дружбы Англіи, думая вѣроятно, что съ перемѣною верховнаго начальника индійскаго правительства перемѣнились и государственныя правила. «Поле надеждъ моихъ, пишетъ 31 мая эмиръ, поблекшее отъ холоднаго вѣтра прошед-

шаго, отъ извѣстія о прибытіи вашего превосходительства такъ расцвѣло, что ему завидуетъ теперь садъ райскій.» Впрочемъ, въ концѣ письма эмиръ даетъ знать, что если не поможетъ ему Англія, то онъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ другой державѣ, соперничествующей съ властителями Индостана. Отвѣтъ правительства изъ Калькутты (1836, 22 авг.) былъ написанъ очень искусно, но съ явнымъ намѣреніемъ избѣжать положительнаго рѣшенія. Англія желаетъ, писалось въ этомъ отвѣтѣ, чтобы афганы сдѣлались цвѣтущею націею, чтобы они своей торговлею приняли участіе въ добрыхъ намѣреніяхъ и благосостояніи другихъ народовъ; для этой цѣли открыто судоходство по Инду, въ которомъ, вѣроятно, эмиръ, заботясь о благѣ управляемаго имъ народа, приметъ живѣйшее участіе; но Англія съ изумленіемъ узнала

что между имъ и Ренджитъ-Сингомъ существуютъ раздоры. Британское правительство не мѣшается никогда въ отношенія независимыхъ государствъ и потому не знаетъ, какимъ образомъ вліяніе его можетъ послужить въ пользу афганамъ: ему было бы вообще очень пріятно быть посредникомъ мира между пуштанехами и сейками. Генералъ-губернаторъ позаботится притомъ въ скорѣйшемъ времени прислать кого либо въ Кабулъ, съ порученіемъ устроить къ взаимному удовольствію всѣ торговыя отношенія.

Вскорѣ потомъ посланъ былъ въ Кабулъ Александръ Бёрнсъ, чтобы заключить съ эмиромъ торговый и дружескій союзъ на условіяхъ, какія угодно предложить британскому правительству. Посланнику поручено было еще множество другихъ дѣлъ, касавшихся судоходства по

Инду и необходимыхъ для этого договоровъ съ береговыми государствами, такъ, что пребываніе его въ Кабулѣ продлилось цѣлый годъ (*). Появленіе посланнаго къ своему посту было слѣдствіемъ кровавой стычки между сейками и афганами при Джанрутѣ (**), приведшей въ безпокойство и смущеніе всѣ верхнія страны на западномъ берегу Инда. Покорившіеся въ послѣднее время главы мослимовъ подняли знамя бунта и вслѣдствіе

(*) Достъ говорилъ послѣ, что онъ никогда бы не обратился къ другимъ государствамъ, если бы только навѣрное зналъ, что англійскій агентъ пріѣдетъ въ Кабулъ (Afghanistan and Karrak, 33). Это впрочемъ не имѣетъ никакихъ основаній. Лордъ Оуклендъ увѣдомилъ его объ этомъ, хотя довольно неопредѣленно. Онъ писалъ къ нему: is probable, that imay ere long, depute some Gentleman to your Court.

(**) Небольшая деревушка близь хайберскихъ ущелій. Moorcroft. travels. II. 347.

политической и религіозной ненависти умертвили чиновниковъ, посаженныхъ магараджею (*). Бёрнсъ поопѣшилъ въ столицу эмира, чтобы всевозможными способами содѣйствовать къ заключенію мира между враждующими сторонами. Темное чувство, недоброе предчувствіе гораздо справедливѣе руководило въ этомъ случаѣ народъ, нежели разсудокъ и опытность вельможъ. Въ это время, когда они, англичане и афганцы, не предполагали даже событій слѣдующихъ лѣтъ, народъ на улицахъ кричалъ англійскому посольству: «о! пощадите Кабулъ, не разрушайте Кабула». Многіе изъ главъ были того мнѣнія,

(*) *Burnes* Cabool. 99. Сейки потеряли въ этомъ сраженіи 12,000 человѣкъ и афганы не меньше ихъ. Гари-Сингъ, храбрѣйшій генералъ магараджи, остался на мѣстѣ, точно также и тесть Доста. Hough. 230. Masson. III. 387.

что лучше было бы убить шпіона невѣрныхъ, иначе онъ воротится потомъ изъ Индостана съ войскомъ и покоритъ страну (*).

Достъ-Мухаммедъ не могъ объяснить себѣ продолжительнаго отсутствія англійскаго посланника. Онъ боялся, что англійское правительство не только останется въ прежнемъ къ нему отношеніи, но соединится съ сейками на его погибель. Слѣдствіемъ было то, что, не за долго до прибытія Бёрнса въ столицу, онъ сдѣлалъ дружественныя предложенія русскимъ и персіянамъ. Англо-индійскія газеты говорили такъ часто и такимъ рѣшительнымъ тономъ о походѣ русскихъ въ Индостанъ, что всѣ князья, недовольные индійскимъ правительствомъ, обращали съ нѣкотораго

(*) *Lady Sale*. Journal of the disasters in Afghanistan. Paris. 1843. II. 58.

времени взоры къ Санктъ-Петербургу. Посланникъ Доста просилъ отъ имени своего властелина о вступленіи Россіи въ непосредственный союзъ съ Афганистаномъ. Въ то же самое время и къ Мухаммеду-Шаху послалъ эмиръ агента, который весьма ласково принятъ былъ при тегеранскомъ дворѣ и возвратился въ Кабулъ въ сопровожденіи персидскаго посла. Въ такихъ-то запутанныхъ обстоятельствахъ, начались переговоры англійскаго посланника съ эмиромъ.

Черезъ нѣсколько дней но прибытіи посольства, Бёрнсъ былъ приглашенъ въ Бала-Гиссаръ, т. е., верхній городъ, гдѣ Достъ-Мухаммедъ и любимый сынъ его Акберъ, приняли его съ величайшею учтивостью. При этомъ первомъ свиданіи не было никого изъ главъ, чиновниковъ и свиты князя. Капитанъ началъ съ красно-

рѣчиваго описанія странъ вдоль по Инду, городовъ Кабула, Гизни и Кандахара въ тѣ времена, когда купцы съ своими товарами безопасно плавали по водамъ Синда и путешествовали по дорогамъ Сабелистана съ одной стороны въ Хорасанъ и Иракъ, а съ другой стороны въ Туркестанъ и Хуарезмъ. Такое счастіе, прибавлялъ онъ въ концѣ, властители Индостана хотятъ снова возвратить этимъ странамъ: для этого-то открыли они судоходство по Инду и онъ пріѣхалъ пригласить эмира къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ. Афганы, отвѣчалъ ему эмиръ, устали отъ кровопролитнаго междоусобія, они хотятъ покоя. Что касается до меня самаго лично, то я разумѣется всевозможнымъ образомъ буду содѣйствовать великодушнымъ стремленіямъ Англіи: я знаю выгоды свободной торговли по умноженію таможенныхъ доходовъ, толь-

ко бы отдѣлаться мнѣ на восточной границѣ отъ враговъ моихъ сейковъ. Когда мы разбили Шаха-Шуджу при Кандахарѣ, Ренджитъ-Сингъ занялъ Пешаверъ; моя честь, честь страны моей теперь въ опасности; Пешаверъ долженъ быть возвращенъ афганамъ, тѣмъ болѣе что и Шахъ-Шуджа отъ него отступился; когда могущественные сагибаны Индостана повелятъ магараджѣ оставить Пешаверъ, тогда миръ и радость возвратятся въ страны на западномъ берегу Синда. Передача этой плодоносной и прекрасной равнины брату моему, султану Мухаммедъ-Хану, какъ леннаго владѣнія сейковъ не можетъ имѣть этого дѣйствія; связь его съ магараджею грозитъ моей безопасности въ Кабулѣ и повергаетъ въ смущеніе весь Афганистанъ. Я самъ хочу взять Пешаверъ отъ сейковъ какъ ленное владѣніе—а имъ, если

только у нихъ честныя намѣренія, все равно, отъ кого бы ни получать извѣстные доходы.

Кажется, Бёрнсъ, какъ видно изъ одного мѣста его разсказа (*) — ибо словамъ г. Мессона мы не придаемъ слишкомъ важнаго значенія (**), обѣщалъ больше, чѣмъ хотѣло калькуттское правительство, которому еще разъ изложены были желанія главы. Вы должны, отвѣчалъ лордъ Оуклендъ эмиру (1838, 20 янв.), оставить всякую надежду на Пешаверъ. Ренджитъ какъ изъ великодушія, такъ и изъ уваженія къ старой дружбѣ съ Англіею

(*) *Afghanistan and Karrak*. 29. Онъ обѣщалъ, что Пешаверъ будетъ раздѣленъ между Достомъ и его братомъ, Султаномъ-Мухаммедомъ.

(**) *Narrative*. III. 457.

окончилъ войну съ Кабуломъ и вложилъ мечь въ ножны. Могущественный магараджа—вѣрнѣйшій союзникъ англійской націи, которая никогда не можетъ его оставить. Эмиръ долженъ обдумать то, что онъ предпринимаетъ. Спокойствіемъ, которымъ наслаждается теперь Афганистанъ, обязанъ онъ только вліянію на Ренджита британскаго правительства. Эти дружескія услуги Великобританіи не будутъ имѣть мѣста, если Мухаммедъ станетъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ и продолжать сношенія съ другими державами. Если эмиръ хочетъ сохранить дружбу Англіи, онъ долженъ довѣряться единственно ей только, и разорвать всякую связь съ чужеземными государствами. Подумайте о средствахъ, сказано въ заключеніи письма, установить постоянный миръ между вами и сейками; иначе я въ скоромъ времени отзову ан-

глійское посольство изъ Кабула, гдѣ оно будетъ совершенно безполезно.

Не только содержаніе, но и самая форма этого государственнаго письма, довольно неуважительная, глубоко оскорбили князя Бараксп; хотя въ присутствіи однихъ вѣрныхъ и преданныхъ ему людей, но тѣмъ не менѣе очень рѣзко высказалъ эмиръ свои угрозы франкистанскимъ невѣрнымъ. «Я вижу, сказалъ онъ Бёрнсу, что Англія не дорожитъ моей дружбою. Я стучался къ вамъ въ дверь, но вы меня отвергли. Правда, Россія слишкомъ далеко: но черезъ Персію, которая также принадлежитъ Царю, какъ вамъ Индія, можетъ мнѣ помочь Россія. И если мы афганы еще разъ должны будемъ подчиниться кому нибудь, то лучше же намъ повиноваться Мухаммеду-Шаху, который все таки мослимъ». Бёрнсъ убѣ-

дился окончательно, что въ Афганистанѣ долженъ быть сдѣланъ рѣшительный ударъ, и что на главу нельзя никакъ расчитывать. Онъ приготовился къ отъѣзду и просилъ эмира отпустить посольство съ миромъ.

Въ чрезвычайно умномъ письмѣ, совершенно чуждомъ мишурнаго блеска и пустословія, обыкновенныхъ на Востокѣ, глава еще разъ изложилъ свои желанія, чего онъ ждалъ отъ Англіи, чего ждалъ тщетно. «Мнѣ очень прискорбно, такъ оканчивается это замѣчательное афганское дипломатическое письмо къ Бёрнсу, который оставилъ Кабулъ 26 апр. 1838 года, мнѣ очень прискорбно, что вы подвергались трудностямъ такого далекаго путешествія. Я многаго ожидалъ отъ вашего правительства, я надѣялся на защиту и на расширеніе Афганистана. Договоръ заключенный съ г. Эль-

финстономъ не доставилъ странѣ нашей никакихъ выгодъ. Теперь, я вполнѣ разъубѣжденъ; приписываю это впрочемъ не немилости Англіи, а несчастной судьбѣ. Справедливо сказано, что на Творца, а не на тварей долженъ человѣкъ возлагать упованіе».

Обсудивши зрѣло послѣднія событія въ средней Азіи, я крѣпко убѣжденъ, пишетъ Бёрнсъ, этотъ умный путешественникъ и государственный человѣкъ, къ калькуттскому правительству, что они поведутъ къ важнымъ и опаснымъ послѣдствіямъ, если только не принято будетъ Великобританіей скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ (*). Но въ бумагахъ, оставшихся послѣ него и представленныхъ парламенту, нѣтъ ни слова о томъ, что должно быть послѣ—и находитъ ли онъ нужнымъ возвратить дуранійской династія

(*) *Afghanistan and Karrak*. 72.

Афганистанъ и въ лицѣ Шаха-Шуджи посадить государя для виду.

Это было въ то время, когда еще не предполагали, что персіяне, въ слѣдствіе угрозъ англичанъ, выступятъ изъ Герата; надобно еще было готовиться встрѣтить самыя невыгодныя обстоятельства. Военныя приготовленія дѣлались въ Индіи съ цѣлію, въ случаѣ нужды, выставить оплотъ противъ персидско-русскаго войска. Ближайшею цѣлію было уничтоженіе владычества Баракси и возстановленіе монархіи Дурани, въ лицѣ Шаха-Шуджи-эль-Мулька, подъ верховнымъ покровительствомъ Англіи. Генералъ-губернаторъ Индіи убѣдился, что съ Достъ-Мухаммедомъ не можетъ быть заключено надежнаго союза. Между тѣмъ, необходимо, чтобы владѣльцы Афганистана состояли въ дружескихъ сосѣдственныхъ

сношеніяхъ съ Великобританіей; отъ этого зависятъ спокойствіе и безопасность индійскаго правительства, равно какъ и всѣ выгоды, которыя обѣщаетъ новооткрытое судоходство по Инду. Англія въ теперешнихъ обстоятельствахъ, нуженъ на ея сѣверной и югозападной границѣ такой союзникъ, который не былъ бы наклоненъ къ планамъ завоеванія и котораго бы собственный интересъ заставлялъ противиться всякому непріятелю, который пробился бы до Инда. Эти цѣли, какъ думало по крайней мѣрѣ индійское правительство, могли быть достигнуты только возвышеніемъ Шаха-Шуджи. Это казалось необходимымъ и для того, чтобы оттолкнуть русско-персидское вліяніе отъ воротъ Индіи (*).

(*) Замѣтки лорда Оукленда отъ 12 маія и 18 августа 1839. *Afghanistan and Karrak.* стран. 2.

Лорду Оукленду обстоятельства казались такъ затруднительны и опасны, что, не ожидая приказаній правительства своего отечества, онъ рѣшился тотчасъ же принять необходимыя мѣры къ тому, чтобы насчетъ Индостана и чрезъ посредство англо-индійскихъ войскъ возвратить пенсіонера компаніи въ земли его отцевъ. Походъ въ Афганистанъ, объяснялъ генералъ-губернаторъ, будетъ стоить большихъ издержекъ; но онѣ ничто въ сравненіи съ выгодами, которыя будутъ на нихъ куплены. Если Великобританія получитъ верховное владычество надъ Афганистаномъ, то всякое предпріятіе съ запада будетъ совершенно невозможно. Генералъ-губернаторъ знаетъ, какую великую отвѣтственность онъ на себя принимаетъ, но онъ взвѣсилъ всѣ обстоятельства дѣла и по зрѣломъ обсужденіи нашелъ, что его обязанность—дѣйствовать быстро и рѣшительно.

Г. Мекнайтенъ, секретарь иностранныхъ дѣлъ (*), былъ посланъ въ Лагоръ, чтобы убѣдить магараджу содѣйствовать планамъ индійскаго правительства. Старались внушить Ренджиту, склонявшемуся уже къ гробу, что его собственный интересъ связанъ съ уничтоженіемъ владычества Баракси; притомъ же, прибавляли къ этому, Англія и сейки такъ давно друзья между собою, что должны быть соединенными въ своихъ желаніяхъ; присовокуплены были и угрозы, чтобы

(*) Secretary in the Political Departement. Бёрнсъ былъ страннымъ образомъ обойденъ; онъ также былъ посланъ въ Кабулъ, но только для того, чтобы вспомоществовать своими совѣтами Мекнайтену. *Cabool.* 279. Это пренебреженіе объясняетъ строгій судъ его о лордѣ Оуклендѣ и о всей политикѣ индійскаго правительства въ отношеніи къ Афганистану. Это — ключь и къ позднѣйшимъ его дѣйствіямъ.

лучше подѣйствовать на князя. Британско-индійское правительство, писалъ лордъ Оуклендъ, далеко отъ мысли дѣлать завоеванія: у него довольно земли; его дѣло завоевывать плугомъ и сохою пустыни Индостана и заселять деревнями страны, гдѣ находятся теперь только логовища тигровъ. Но оно довольно сильно, чтобы въ необходимомъ случаѣ, поразить всѣхъ своихъ противниковъ. Въ Бенгаліи стоитъ подъ ружьемъ сто тысячь войска; еще сто тысячь легко могутъ быть двинуты изъ президентствъ мадрасскаго и бомбейскаго; войска эти находятся подъ командою опытныхъ европейскихъ полководцевъ.

Посольство прибыло въ Адинагаръ, гдѣ въ это время Ренджитъ находился съ своимъ дворомъ. Магараджа тотчасъ же согласился на предложенія индійскаго

правительства и вступилъ въ союзъ съ компаніею для возведенія снова на престолъ афганистанскій Шаха-Шуджи. Многіе вельможи, между прочимъ первый министръ Джіанъ-Сингъ, были противъ этаго союза и старались помѣшать ему. Но Ренджитъ питалъ съ одной стороны такую застарѣлую вражду противъ Достъ-Мухаммеда, а съ другой стороны такое глубокое уваженіе къ силѣ Великобританіи, что, побуждаемый великими двигателями человѣка, ненавистью и страхомъ, сдержалъ слово и запретилъ вельможамъ, подъ страхомъ смерти говорить противъ этого союза (*). Магараджа объявилъ, что онъ не знаетъ инаго выхода, кромѣ безъусловной преданности волѣ Англіи, заключилъ наступательный

(*) *Osborne.* Court and camp of Runjeet-Sing. London. 1810.

и оборонительный союзъ съ британскимъ правительствомъ и открылъ англійскимъ войскамъ, конечно не безъ сопротивленія, свободный проходъ черезъ страну. Со стороны сейковъ выставленъ былъ въ Пешаверѣ наблюдательный корпусъ въ 15,000 человѣкъ, съ приказаніемъ, во всемъ повиноваться предписаніямъ британскихъ начальниковъ. Въ замѣну этого какъ со стороны Шаха-Шуджи (*), такъ и со стороны Британскаго правительства, за Ренджитомъ на вѣчныя времена обезпечены были всѣ его завоеванія: Кашмиръ, Пешаверъ до Хайберскихъ проходовъ, Мультанъ и множество другихъ, въ договорѣ поименованныхъ владѣній. Кромѣ того, положено было, чтобы впослѣдствіи и навсегда друзья или враги одной

(*) Correspondance relative to Sinde. 1838 — 1843. 6.

изъ трехъ державъ были друзьями или врагами всѣхъ трехъ; потомъ еще, что при всѣхъ важныхъ и неожиданныхъ событіяхъ въ западныхъ странахъ, британцы и сейки должны переговариваться сообща о мѣрахъ. Шахъ-Шуджа съ своей стороны, за извѣстную сумму, которая должна быть уплачена впослѣдствіи, отказывается отъ всѣхъ притязаній на княжества Синдъ и Шикарпуръ, обѣщается не безпокоить гератскаго правительства и безъ согласія Британіи и сейковъ, не вступать въ сношенія ни съ однимъ чужеземнымъ государствомъ. Равномѣрно, глава Дурани, долженъ всѣми силами противустать всякому, кто будетъ безпокоить земли сейковъ и британцевъ. Въ тоже время, должны быть къ взаимному удовольствію опредѣлены всѣ другія отношенія между княземъ пенджабскимъ и британско-индійскимъ прави-

тельствомъ (*). Ренджитъ боялся въ это время, какъ видно изъ его разговоровъ, что русскіе въ скоромъ времени явятся на Индѣ; онъ былъ впрочемъ довольно благоразуменъ, и думалъ, что лучше всего безъусловно подчиниться волѣ британскаго правительства (**). Когда договоры были подписаны и размѣнены, Макнайтенъ отправился въ Лодіану, чтобы лично сообщить Шаху-Шуджѣ радостную вѣсть. Съ своей послѣдней неудачи, князь жилъ въ строгомъ уединеніи; забывая свѣтъ и самъ имъ забытый, онъ проводилъ время въ

(*) Прокламація намѣстника отъ 1 октября 1838 *Hough*. Appendix 6. 26 ноября 1838 въ Фируспурѣ было свиданіе лорда Оукленда съ Магараджею.

(**) *Osborne* 107. и 177. Магараджа, какъ по крайней мѣрѣ говорилъ онъ англичанамъ, досадовалъ, что съ русскихъ будетъ плохая пожива.

пустыхъ играхъ, окруженный женами, которыхъ было у него много. Между прочимъ, онъ написалъ или лучше велѣлъ написать своему секретарю записки о своей обильной происшествіями жизни; спискомъ съ нихъ владѣлъ Бёрнсъ и имъ пользовался Гоугъ (*). Чтобы придать этому походу законный видъ, велѣно было Шуджѣ отъ своего имени собрать нѣсколько тысячь человѣкъ и присоединить ихъ потомъ къ британско индійскому войску. Разумѣется, войско это находилось подъ командою англійскихъ офи-

(*) Исторія Афганистана отъ 1800 до 1839, которую приводитъ Гоугъ на 365 стран., есть вѣроятно сочиненіе, упоминаемое Бёрнсомъ. Эта исторія сочинена муллою Джаферомъ, служившимъ Шаху-Шуджѣ. Гоугъ говоритъ, что лейтенантъ Эллисъ перевелъ всю эту рукопись по Англійски.

церовъ и состояло на британско-индійскомъ жалованьѣ (*).

Къ осени были окончены всѣ приготовленія къ военному походу противъ князя Баракси и противъ персовъ. Британскія и индійскія войска компаніи, войска шаха и сейковъ подъ ружьемъ, резервные и наблюдательные корпуса, все это вмѣстѣ взятое простиралось до 54,000 человѣкъ. Значительно многочисленнѣйшая часть, называемая «арміею Инда», должна была черезъ боланскій проходъ идти на Кандахаръ, подъ предводитель-

(*) Собранное имъ войско простиралось до 6000 человѣкъ. Papers relating to the war of Afgnanistan, напечатанныя въ 1840. *Osborne*, стран. 208. Чрезвычайно забавно, что храбрый Гоугъ въ трогательныхъ выраженіяхъ говоритъ объ афганскомъ легитимизмѣ.

ствомъ сэра Джона Киня; другая, отъ 10 до 11,000 человѣкъ подъ начальствомъ Уада, хайберскимъ проходомъ, черезъ Джеллалабадъ на Кабулъ.

Тогда сдѣлано было со стороны генералъ-губернатора формальное объявленіе войны противъ Баракси, сообщенное оффиціальнымъ образомъ всѣмъ князьямъ Индостана и сосѣднихъ странъ, въ особенности же шаху Камрану гератскому. Достъ-Мухаммедъ, говорится тамъ между прочимъ, показалъ ясно своимъ поведеніемъ, что интересы государства индійскаго и спокойствіе сосѣднихъ странъ въ опасности, пока Кабулъ находится подъ его владычествомъ; точно тоже относится къ братьямъ эмира, сирдарамъ кандахарскимъ, которые сговорились съ персами дѣйствовать противъ правъ и интересовъ британской націи. Благоденствіе англій-

скихъ провинцій на востокѣ, требуетъ на западной границѣ Индіи такого союзника, который бы любилъ миръ и былъ чуждъ всякихъ мятежей и нововведеній. По этимъ-то причинамъ, британско-индійское правительство нашло благоприличнымъ, вспомоществовать Шаху - Шуджѣ - Эль-Мульку въ его намѣреніяхъ; оно возведетъ его снова на престолъ отцевъ его. Извѣстно, что шахъ во время своего прежняго правленія былъ вѣрнымъ другомъ и союзникомъ Великобританіи. Дурани пойдетъ на Афганастанъ съ своимъ собственнымъ войскомъ; британская армія будетъ только защищать его противъ чужеземныхъ вліяній и партій. Какъ только утверждена будетъ власть законныхъ князей, британская армія выступитъ изъ ихъ владѣній и Англія будетъ только радоваться единенію и благоденствію афганскаго народа.

Само собою разумѣется, что единство и власть народа пушту были только орудіемъ для англо-индійскаго владычества; напротивъ весь походъ былъ предпринятъ единственно съ тою цѣлію, чтобы уничтожить опасныя для Британіи единство и благоденствіе Афганистана. Мы воевали съ Кабуломъ, сказано въ одномъ письмѣ генералъ-губернатора лорда Элленборо отъ 16 мая 1842, для того, чтобы удалить владѣтеля, который умѣлъ соединить племена, создать войско и ввести порядокъ. Этотъ демонскій эгоизмъ можетъ и частію долженъ послужить извиненіемъ страшныхъ злодѣяній и измѣны народа пушту въ послѣдующее время.

Послѣднее посольство британско-индійскаго правительства въ Кабулъ повело къ дружескимъ сношеніямъ съ Мурадъ-Бе-

емъ, разбойничьимъ атаманомъ и неограниченнымъ властелиномъ Кондуса. Въ послѣдніе годы онъ покорилъ себѣ всѣ сѣверныя къ Гиндокушу прилежащія земли, весь Бадакшанъ, долину въ верховьяхъ Окса и частію монгольскій Хасарахъ (*). Если не владычество, то, по крайней мѣрѣ, вліяніе его простирается отъ Сирикула, у Балка, въ одну сторону до границъ Бохары, а въ другую до Коканда и восточнаго Туркестана, на пространство, которое можно проѣхать только въ пятдесятъ дней. Исторія и географія этихъ земель до сихъ поръ еще такъ мало изслѣдованы, что мы ссылаемся на путешествіе Марко Поло, жившаго въ XIII столѣтіи.

(*) Замѣчательно, что его жители говорятъ теперь поперсидски; всѣхъ ихъ вообще до 66,000 семействъ.

Бадакшанъ, говоритъ этотъ знаменитый путешественникъ (*), страна, которой обитатели исповѣдуютъ законъ Мухаммеда и имѣютъ свой особенный языкъ. Это большое государство, простирающееся въ длину на добрыхъ двѣнадцать дней пути; престолъ тамъ наслѣдственъ, т. е. всѣ короли одного происхожденія и ведутъ свой родъ отъ Александра и дочери Дарія, царя персидскаго. Всѣ эти короли носятъ имя Сулкарнейнъ, что значитъ Александръ (**). Здѣсь находятся дорогіе камни, называемые *Баласси* (лазурикъ, ультрамаринъ); они очень красивы и высокой цѣны; ихъ отрываютъ изъ горъ. Есть одна гора, называемая Сикинанъ, въ которой отры-

---

(*) По послѣднему изданію. 1—25.

(**) Вѣрнѣе: двурогій. Многіе изъ среднеазіатскихъ владѣтелей вели свой родъ отъ Александра, разумѣется, безъ всякаго основанія

ваютъ ихъ какъ вообще золото и серебро(*). Никто кромѣ короля, безъ непосредственнаго его позволенія, не смѣетъ отрывать этихъ камней; это запрещено подъ страхомъ смертной казни. Иногда король даритъ ихъ путешественникамъ, которые здѣсь проѣзжаютъ, но у другихъ они не смѣютъ покупать этихъ камней и не могутъ даже вывозить ихъ изъ государства безъ позволенія короля. Есть также здѣсь горы, гдѣ находятъ руды камней, изъ которыхъ дѣлается синяя краска; это лучшая синяя краска въ свѣтѣ. Здѣсь есть также въ большомъ количествѣ руды серебряныя, мѣдныя и свинцовыя.

Въ этой землѣ очень холодно. Здѣсь есть также священные соколы, кото-

(*) Удъ описалъ руды этихъ камней (lapis lazuli) въ своемъ путешествіи къ источникамъ Окса.

рые чрезвычайно хорошо и быстро летаютъ; потомъ есть соколы породы ланери (*), превосходные ястреба и копчики. Жители охотятся часто за дикими звѣрями и дичью. У нихъ хорошій хлѣбъ и родъ ячменя безъ остей; деревяннаго масла у нихъ нѣтъ; они дѣлаютъ его изъ орѣховъ и сезама, похожаго на льняное сѣмя, съ тѣмъ только, что сезамъ— бѣлый и масло изъ него лучше и вкуснѣе всякаго другаго. Въ этой странѣ чрезвычайно узкія ущелія и хорошо укрѣпленныя мѣста, такъ что жители не

(*) Охотники въ средніе вѣка, по tesoro Брунетто Латини, различали семь родовъ соколовъ, изъ которыхъ лучшими считались ланери; потомъ, въ шестомъ ряду стояли священные соколы; они вообще очень велики и похожи на орловъ. Поло самъ былъ страстный охотникъ и поэтому неудивительно, что онъ обратилъ большое вниманіе на соколовъ.

боятся, чтобы кто либо вторгнулся въ ихъ страну и причинилъ имъ несчастія. Люди эти хорошіе стрѣлки и превосходные охотники; одѣваются они большею частію въ звѣриныя кожи, по недостатку другой одежды. Особенное свойство здѣшнихъ горъ то, что онѣ очень высоки, такъ, что съ утра до вечера едва взойдешь на ихъ вершины, на которыхъ находятся большія равнины, поля съ высокой травой, деревья и источники самой чистой воды, гдѣ водятся форели и другая отличная рыба. Воздухъ здѣсь такъ чистъ и здоровъ, что люди, живущіе въ городѣ или въ долинахъ, въ случаѣ лихорадки или другой болѣзни, всходятъ на горы, пробудутъ тамъ два-три дня и совершенно выздоравливаютъ.

Путешествуя отъ Бадакшана къ востоку, пріѣзжаешь на берегъ одной рѣки;

на берегу этомъ много замковъ и жилищъ; через три дня путешествія, въѣзжаешь въ страну Ваханъ или Вагханъ, простирающуюся на три дня пути въ длину и въ ширину. Жители слѣдуютъ закону мухаммедову, люди гостепріимные и хорошіе воины. Если отсюда ѣхать еще три дня на востокъ, подымаясь на горы, то заѣдешь такъ высоко, что *выше этого мѣста нѣтъ ничего на свѣтѣ*. Здѣсь вверху, между двухъ горъ, есть большое озеро, изъ котораго истекаетъ прекрасная рѣка, орошающая равнину съ лучшими въ мірѣ лугами. Здѣсь много дичи и въ особенности водятся прекрасныя дикія козы, съ рогами въ шесть локтей длины, или по меньшей мѣрѣ въ три или четыре, изъ которыхъ пастухи дѣлаютъ блюда и крупную столовую посуду для питья. По этой равнинѣ, называющейся Памеръ, ѣдутъ двѣнадцать дней; на пути не встрѣтишь ни одного жи-

лья, почему и необходимо путешественникамъ запастись жизненными припасами. Здѣсь, по причинѣ высоты горъ, нѣтъ ни одной птицы, и вотъ что показалось мнѣ чудомъ, разсказываетъ Марко Поло, что огонь, по причинѣ чрезвычайнаго холода, горитъ здѣсь не такъ ярко, какъ въ другихъ мѣстахъ и на немъ нельзя ничего сварить. Потомъ путешествуешь по безплодной гористой странѣ, называемой Белорою, гдѣ обитаютъ дикіе идолопоклонники, живущіе только охотою; путешествіе продолжается сорокъ дней на востокъ, потомъ пріѣзжаешь въ Кашгаръ, бывшій прежде независимымъ государствомъ, теперь же подчиненный великому хубилайскому хану. Вотъ повѣствованіе Поло.

Немногіе факты, сообщаемые объ исторіи этихъ странъ лѣтописями китай-

цевъ (*), арабовъ и персовъ, связаны такъ тѣсно съ ранними переселеніями татарскихъ племенъ и исторіею восточной Азіи, что, отдѣленные отъ нея, они совершенно непонятны. Довольно того замѣчанія, что масса жителей Бадакшана принадлежитъ, какъ жители восточной Персіи, Афганистана и средней Азіи, къ таджикамъ, у которыхъ языкъ персидскій. Бадакшанъ долгое время состоялъ въ связи съ великомогольскимъ государствомъ въ Дели. Въ началѣ XVI-го столѣтія, страною овладѣли узбеги, которые то правили самостоятельно, то были данниками сосѣднихъ государствъ. Мурадъ Бей изъ племени Кадханъ, былъ первоначально въ службѣ Хилиджъ-Али, балк-

(*) Въ географіи Кіэнъ-Лонга, кн. 50, и 18 сказано: Бадакшанъ въ 1761 г. прислалъ дань пекинскому двору.

скаго леннаго владѣльца. По смерти своего повелителя, узбегъ достигнулъ власти; сыновья Хилиджа стали его ленниками; равно какъ большая часть владѣльцевъ внутри горной страны и по берегамъ Аму. Мурадъ обыкновенно оставлялъ князьямъ власть, облагая ихъ только податью и обязывая къ доставленію на ихъ собственный счетъ войска. Иначе поступлено было съ Бадакшаномъ; страшный узбегъ, съ отвратительной монгольской физіономіей, маленькими сверкающими глазками и выдавшимися скулами, постарался опустошить эту страну такъ, чтобы она никогда болѣе не возстала. Въ главномъ городѣ прежде цвѣтущаго княжества теперь едва 1500 человѣкъ жителей (*).

(*) *Wood.* Journey. 289. Мурадъ-Бей прогналъ изъ Балка большую часть жителей. *Burnes*, Travels. II. 205.

Турецкое народонаселеніе малой Бухаріи принадлежитъ вообще къ послѣдователямъ Ислама; съ сопротивленіемъ переносило и переноситъ оно деспотическое управленіе срединнаго царства. Князья, лишенные власти и принужденные подчиниться китайскимъ чиновникамъ, находятъ сочувствіе всякій разъ, какъ подымутъ знамя бунта противъ чужеземныхъ пришельцевъ: такъ было въ шестомъ десятилѣтіи прошлаго вѣка (1759). Китайцы усмирили впрочемъ этотъ мятежъ и ходжи, титулъ придаваемый урожденнымъ князьямъ, принуждены были бѣжать изъ своей родины въ Бадакшанъ, гдѣ они погибли жертвами корыстолюбія тамошняго султана. За это преступленіе, какъ разсказываютъ суевѣрные мусульмане, истреблена была вся царствующая фамилія и Бадакшанъ обращенъ въ пустыню (*).

(*) Китайскія оффиціальныя донесенія и бадак-

При Талиханѣ (1823) Бадакшанъ въ послѣдній разъ боролся за свою независимость. Мурадъ-Бегъ самъ начальствовалъ своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ десяти тысячъ конницы. Побѣду одержала новая кондуская держава и черезъ два года потомъ все княжество должно было подчиниться ея верховной власти. Мурадъ разрушилъ нѣкогда славный на Востокѣ городъ Фейзабадъ и перевелъ его жителей въ нездоровыя климатомъ страны Кондуса (*), гдѣ они въ нѣсколько лѣтъ

шанское преданіе согласны здѣсь въ отношеніи къ сущности дѣла. Mém. concern. les chinois. I. 381. *Plath.* Geschichte der Mandschurei. 619.

(*) Имя Кондусъ произошло вѣроятно отъ Кохондосъ, что значитъ замокъ въ срединѣ большаго города. Нѣтъ почти ни одного города въ Хорасанѣ или Мавераннегрѣ, говоритъ Абульфеда, въ которомъ бы не было такого Кохондоса. *Abulfedae Geo-*

большею частію перемерли. Отъ Фейзабада остались теперь только деревья, украшавшія нѣкогда его великолѣпные сады. Подданные узбега строятъ обыкновенно свои киргахи тамъ, откуда бѣгутъ другіе люди; хотя они окружены цвѣтущими и плодоносными холмами, но предпочитаютъ имъ болота и ихъ вредоносный воздухъ: это дѣйствительно очень удобно для земледѣлія, но именно тѣ самыя условія, которыя производятъ чрезвычайную плодоносность почвы, имѣютъ въ высшей степени вредное вліяніе на здоровье людей, по крайней мѣрѣ, не привыкшихъ къ этому постепенно. Мурадъ-Бегъ лишилъ народонаселенія Бадакшанъ

---

graphia въ *Büschins's* Magazin. V. 337. *Бёрнсъ* (travels II. 196.) говоритъ также о крѣпости въ Кондусѣ.

и страны по сѣверному берегу Окса, чтобы заселить равнины Кондуса и Газратъ-Имама. Число насильственно переселенныхъ въ эти нездоровыя страны, по счету самаго узбега, простирается до 25,000 семействъ, т. е. почти до 100,000 душъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ (1832), едва 6000 изъ нихъ остались въ живыхъ; такъ сильна была между ними смертность въ теченіе какихъ нибудь восьми лѣтъ. Отсюда произошла пословица: если хочешь умереть, ступай въ Кондусъ.

Мурадъ слышалъ о дѣйствіяхъ англичанъ въ Индіи и не безъ основанія опасался, что ихъ корыстолюбивыя цѣли обратятся на плодоносныя поля Кондуса и на богатыя руды Бадакшана. Онъ старался напугать ихъ грубыми поступками, которымъ подверглись Мурркрофтъ и Бёрнсъ, докторъ Жераръ и де Виньи; ему хотѣ-

лось, чтобы чужеземцы не проникали въ его страну и не сообщали о ней свѣдѣній. Можно представить себѣ, какъ пріятно были удивлены англичане въ Кабулѣ дружественнымъ посольствомъ бадакшанскаго князя. Бегъ, который съ холодностію истреблялъ и истребляетъ тысячи людей, чрезвычайно любилъ своего ослѣпшаго брата и желалъ получить отъ всевѣдущихъ и многоученыхъ франковъ какое нибудь лѣкарство, которое бы возвратило брату его зрѣніе. Посланникъ разбойника съ величайшимъ благоговѣніемъ говорилъ о своемъ господинѣ: «повелитель мой можетъ выставить двадцать тысячь конницы, ибо пѣхоты нѣтъ въ странахъ узбега, на алламани или набѣгъ; три пригоршни хлѣба составляютъ ихъ ежедневную пищу. *Миръ* велитъ своимъ людямъ собраться въ извѣстномъ мѣстѣ и потомъ объявляется имъ, куда направленъ будетъ

набѣгъ: на Балкъ, Дарвасъ и Шагнанъ, на страну Хасарахъ или на страну Каффиръ. Цѣль этихъ набѣговъ въ особенности полонить какъ можно больше людей.» Докторъ Лордъ и лейтенантъ Удъ рѣшились на трудное путешествіе и поѣхали съ посланнымъ Мурада въ Кондусъ. Этимъ господамъ обязаны мы многими любопытными свѣдѣніями о народѣ и странахъ Мурада. Съ XIII столѣтія, Удъ былъ первый ученый путешественникъ, посѣтившій Вахганъ и Памиръ, равно какъ источники знаменитой рѣки, полагающей границу между Ираномъ и Тураномъ. Путешественникъ, по собственному его свидѣтельству, нашелъ описаніе Марко Поло такъ справедливымъ и точнымъ, что могъ бы говорить его выраженіями. Предпріимчивость и необыкновенная дѣятельность британцевъ сдѣлали сильное впечатлѣніе даже на варвара узбега. «Что за стран-

ные люди эти франки, воскликнулъ Мурадъ; три мѣсяца тому назадъ пріѣзжало ихъ четверо и вотъ теперь, одинъ въ Кабулѣ, другой въ Кандахарѣ (*), этотъ здѣсь (**), а тотъ у источниковъ Аму! Право, они должно быть не ѣдятъ, не пьютъ и не спятъ; днемъ они путешествуютъ, а ночью пишутъ книги.» (***)

Хотя глазная болѣзнь его брата оказалась неизлѣчимою, однако Мурадъ былъ очень милостивъ къ этимъ страннымъ франкамъ; онъ позволилъ имъ путешество-

(*) Онъ разумѣлъ г. *Лича*, издавшаго филологическія изысканія о языкахъ Белуджистана и Синда.

(**) Д-ръ *Лордъ*, о которомъ говоритъ одно письмо Бёрнса; онъ погибъ въ послѣднемъ сраженіи противъ Достъ-Мухаммеда, 2 ноября 1840, при параванскомъ ущельѣ.

(***) *Burnes*. Cabool. стр. 180.

вать по всей землѣ и наконецъ съ честію отослалъ назадъ въ Кабулъ. Будь предотвращены несчастныя событія въ Афганистанѣ, вѣроятно теперь бы посаженъ былъ въ Кондусѣ британскій резидентъ или талиханъ и правилъ бы странами узбега отъ имени Мурада или сына его Аталикъ-бега, разработывая въ пользу Великобританіи богатыя рубиновыя копи Бадакшана!

Дикій, естественный человѣкъ привязанъ, какъ растеніе и животное, только къ ближайшимъ отношеніямъ: только въ нихъ сосредоточены его интересы, только къ нимъ чувствуетъ онъ привязанность или отвращеніе. Чѣмъ больше развивается духъ, тѣмъ больше расширяется чувство, тѣмъ шире становится сердце, пока оно наконецъ способно будетъ обнимать своею любовію отечество и человѣчество. Въ средніе вѣка, униженное и невѣже-

ственное человѣчество жило въ постоянномъ разрывѣ: никто не заботился о томъ, хорошо или худо другому. Священная римская имперія германской націи позволяла очень спокойно англичанамъ завоевывать Францію; никто и не думалъ, что свобода Европы будетъ уничтожена, если два могущественныхъ государства, Англія и Франція, будутъ соединены подъ однимъ скипетромъ. Въ XV-мъ столѣтіи, новый свѣтъ озаряетъ Европу, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Понятія о равновѣсіи силъ въ общей системѣ государствъ зарождаются въ свѣтлыхъ головахъ Запада; въ далекихъ странахъ начинаютъ искать для отечества пріобрѣтеній, будутъ ли эти пріобрѣтенія состоять въ богатствахъ, драгоцѣнностяхъ или владѣніяхъ. Взглядъ европейскаго человѣчества въ слѣдующія столѣтія болѣе и болѣе укрѣпляется

внутри и такъ расширяется вовнѣ, что въ наше время объемлетъ весь земной шаръ. Человѣчество возвышается надъ варварскимъ разрывомъ и проникается идеею. Сознано стремленіе и сознана цѣль, лучшее ручательство за будущее. Не мыслимо ни одно важное событіе на землѣ, безъ того, чтобы оно не воздѣйствовало на наши отношенія, на европейскія государства. Европейская государственная система исчезла и замѣнилась всеміpною государственною системою. Только невѣжество можетъ думать, что въ событіяхъ дальняго Востока учавствовали однѣ Англія и Россія. Перемѣны, происходящія тамъ, имѣютъ вліяніе на всѣ образованные народы, на всѣ государства земли и на цѣлое человѣчество.

Прежде впрочемъ, чѣмъ предпринятъ былъ походъ въ страны по ту сторону Инда, надобно было обезопасить себя отъ

государствъ по берегамъ этой всемірно-исторической рѣки, чтобы англо-индійское государство не имѣло непріятеля въ тылу своего войска. Магараджа принадлежалъ къ союзу противъ Достъ-Мухаммеда и Баракси; на его содѣйствіе во всѣхъ предпріятіяхъ противъ афганстанскаго властелина можно было расчитывать. Не такъ было въ отношеніи къ князьямъ верхняго и нижняго Синда. Правительство калькуттское нѣсколько лѣтъ уже старалось присоединить нѣкоторымъ образомъ эти владѣнія къ Великобританіи, такъ чтобы князья ихъ признали себя непосредственно подчиненными компаніи. Это считали необходимымъ въ двоякомъ отношеніи, вопервыхъ, для укрѣпленія западныхъ границъ государства и для безпрепятственнаго судоходства по Инду (*). Эмиры воспротивились

(*) Correspondence relative to Sinde. 1838—1843. стр. 165.

этому желанію, хотя въ это время были очень тѣснимы Ренджитъ-Сингомъ. Дальновидный властелинъ Лагора зналъ слабость раздробленныхъ нижнихъ береговыхъ владѣній и покоривъ Мультанъ, стремился къ завоеванію всей страны. Для этого требовалъ онъ, подъ видомъ вознагражденія за нѣкоторые разбои, уплаты значительной суммы денегъ и войска на помощь противъ разбойничьяго племени Мазари, жившаго на восточномъ берегу Синдѣ и признававшаго только по имени верховную власть удѣльныхъ князей. Замокъ по близости Шикарпура взятъ былъ сейками, которые приготовились въ скоромъ времени захватить этотъ знаменитый торговый городъ и завоевать всю окружную страну. Шикарпуръ, сравнительно очень новый городъ, считалъ тогда до 60,000 жителей и могъ, по низпроверженіи варварскаго владычества таль-

пуровъ и по установленіи безпрепятственнаго судоходства по Инду, сдѣлаться важнѣйшимъ мѣстомъ торговли, идущей изъ Индіи въ западную и среднюю Азію. Англичане предполагали завести въ этомъ мѣстѣ большую ярмарку; слѣдовательно они должны были воспротивиться предпріятіямъ Ренджита. Жалобы многочисленныхъ и богатыхъ индусскихъ купцовъ были принимаемы ими очень милостиво. Цвѣтущая прежде торговля между верхнимъ Синдомъ и Хорасаномъ, писалось въ этихъ жалобахъ, теперь совершенно уничтожена; нѣтъ и слѣда многочисленныхъ каравановъ, которые ходили прежде изъ Шикарпура въ верхнюю Азію; все это отъ страха войны и отъ разбоевъ сейковъ. Купцы и всѣ жители города, обращаютъ взоръ свой къ англичанамъ съ просьбою о помощи; сагибаны единственный покровъ всей восточной стороны. Объ-

щанія другихъ князей въ Пенджабѣ, Синдѣ, Кандахарѣ, Кабулѣ и Гератѣ пустая ложь и самохвальство, которыми они только обманываютъ бѣдныхъ людей (*).

Индійское правительство не медлило; оно объявило магараджѣ, что эти попытки завоеваній возбуждаютъ его неудовольствіе и что оно желаетъ немедленно удаленія войскъ изъ Синда. Благоразумный Ренджитъ, подчинился по своему обыкновенію желанію сильныхъ. Не такъ сдѣлали удѣльные князья. Тальпуры съ важностью объявили, что они никогда не потерпятъ въ своей странѣ британскаго войска и никогда не примутъ въ Гайдерабадъ резидента. Только угрозами можно было принудить князей къ послѣднему

(*) *Correspondence* 1836 — 1838. 13. Шикарпуръ былъ построенъ вѣроятно около 1617. Cabool. 55.

условію. Англійскому агенту позволено было (1838 г., 8 апр.) не только жить при дворѣ, но пребывать въ странѣ синдской, гдѣ ему угодно; удѣльные князья испросили только одно, чтобы ихъ заповѣдныхъ лѣсовъ по обоимъ берегамъ рѣки, называемыхъ на туземномъ языкѣ Шикаргахъ, не касались никакимъ образомъ приплывающіе и отплывающіе корабли. Я чувствовалъ, пишетъ благоразумный и безпристрастный Генри Поттинджеръ, что не имѣю права требовать отъ тальпуровъ какого либо пожертвованія въ этомъ отношеніи; охота — единственное занятіе, въ которомъ эти варварскіе князья находятъ удовольствіе и отдохновеніе отъ трудовъ и заботъ правленія. Въ самомъ дѣлѣ, Шикаркаги на Индѣ вырощены съ такою же заботливостью, какъ королевскіе лѣса въ Европѣ. Отъ чего же мухамеданскимъ варварамъ не пользоваться удо-

вольствіям такъ называемыхъ европейскихъ властителей?

Удѣльные князья на Индѣ, изъ исторіи всѣхъ сосѣднихъ владѣній, убѣдились, что дѣло должно окончиться ихъ подчиненіемъ. Заключивъ договоръ, они начали искать опоры и помощи и думали весьма ошибочно и нелѣпо найти ихъ въ Персіи. Не разъ посылали другъ къ другу вѣстниковъ оба государства и тальпуры желали «чтобы солнечные лучи счастія Шахинъ-Шаха озарили всѣхъ владѣтелей, чтобы страна Ислама очистилась отъ репейнику и терній и освободилась отъ утѣсненія всей невѣрной саранчи». Они какъ будто въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что Мухаммедъ-Шахъ, вспомоществуемый русскими, придетъ, какъ второй Надиръ-Шахъ, для низпроверженія владычества невѣрныхъ.

Англичане не хотѣли смотрѣть сквозь

пальцы на такія опасныя предпріятія. Рѣшено было, если эмиры дѣйствительно войдутъ въ союзъ съ Персіей, тотчасъ же объявить имъ войну. Но были кромѣ того еще другіе спорные пункты, которые, по всѣмъ видимостямъ, могли быть разрѣшены только оружіемъ. Эмиры свирѣпствовали противъ находившихся въ земляхъ ихъ индусовъ, похищали дѣвицъ и женщинъ, несчастныя творенія, взывавшія о помощи и защитѣ отъ насилій варваровъ къ властителямъ Индостана. Притомъ же, приближалось время, когда армія Инда, собравшись въ Фироспурѣ, должна была съ Шахомъ-Шуджею идти вдоль по рѣкѣ, черезъ боланское ущелье въ Афганистанъ. Удѣльные князья рѣшительно воспротивились требованію шаха и англичанъ; «совершенно невозможно, говорили они, чтобы огромное войско прошло по Синду черезъ Шикарпуръ; ни-

когда они не позволятъ даже подобной попытки».

Англичане опять принялись за угрозы; когда же это не помогло, они твердо рѣшились употребить силу; даже сэръ Генри былъ того мнѣнія, что лучше всего тотчасъ же овладѣть Синдомъ. Сочли доходы Синда и достаточно ли будетъ казны эмировъ для британцевъ и для Дурани. Узнали, что доходы страны простираются до пятидесяти лаковъ рупій ежегодно, при чемъ на долю эмира чирпурскаго приходилось пятнадцать; да и эта сравнительно незначительная сумма едва ли дѣйствительно получается, ибо цѣлыя деревни были опустошены и обращены въ охотничьи лѣса.

Эмиры сами увидѣли наконецъ, что серьёзное сопротивленіе невозможно, ибо

англичане шли съ двухъ сторонъ, съ середины Инда и отъ устья рѣки. Покорились по неволѣ силѣ. Миръ-Рустемъ, ханъ чирпурскій, первый (1839 янв. 10) подчиняется предписаннымъ условіямъ; онъ признаетъ верховную власть британскаго правительства, за что ему и предоставляется зависимое владѣніе страною его отцевъ. Безъ вѣдома своего верховнаго властителя, тальпуръ не долженъ вступать въ союзъ ни съ какимъ другимъ государствомъ; по мѣрѣ средствъ и силъ, онъ обязанъ доставить помощь войскамъ и всѣ свои споры съ другими владѣльцами передавать на разрѣшеніе англійскаго правительства. Но англичане не будутъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе страною; только агентъ ихъ съ вооруженной свитой, число которой зависитъ отъ обстоятельствъ, будетъ жить при дворѣ князя. Крѣпость и островъ Баккаръ

должны быть тотчасъ же (1838, февр. 5) сданы британскимъ войскамъ. За эмиромъ чирпурскимъ покорились и другіе удѣльные князья нижняго Синда; они заключили трактаты подобнаго же содержанія, которые впрочемъ были въ послѣдствіи во многомъ измѣнены калькуттскимъ правительствомъ. Чтобы совершенно уничтожить власть князей на нижнемъ Индѣ, англичане разрушили общинное управленіе страны. Каждый эмиръ получилъ отдѣльный участокъ и всѣ они обязаны были подвергать случающіеся между ними споры разрѣшенію англійскаго правительства. Въ Татта, или вообще гдѣ угодно будетъ британцамъ, поставятъ они извѣстное число войска, для содержанія котораго князья должны давать ежегодно три лака рупій. Судоходство по Инду должно быть совершенно свободно и не подвержено никакой пошлинѣ. Эмиры обязываются так-

же въ случаѣ нужды и по мѣрѣ силъ своихъ выставлять извѣстное число войска и обѣщаются, безъ вѣдома своихъ верховныхъ властителей, не вступать въ союзъ ни съ однимъ чужеземнымъ государствомъ.

Чтобы смягчить калькуттское правительство, продолжавшее говорить постоянно строгимъ и рѣшительнымъ тономъ, прежніе повелители Синда добровольно передали ему письма кандахарскихъ владѣльцевъ и договоръ, заключенный этими послѣдними съ Персіей и Гератомъ. Изъ этого договора увидали, что кандахарскіе князья приглашали синдскихъ князей точно также заключить договоръ съ Персіей; Кандахаръ вызывался въ этомъ случаѣ быть посредникомъ. Эмиры, подчинившіеся только силѣ, ибо британскія войска были всего на нѣсколько дней пути

отъ Гайдерабада, естественно старались смягчить гордаго повелителя, который въ оффиціальныхъ актахъ называлъ ихъ ослѣпленными безумцами; но втайнѣ, они не оставляли своего намѣренія присоединиться къ Персіи, что̀ британцы, основываясь на выданныхъ имъ договорахъ, назвали государственною измѣною. Ширъ-Мухаммедъ былъ всегда, съ самаго начала раздоровъ до конца тальпурскаго владычества, самымъ рѣшительнымъ противникомъ невѣрныхъ. То, что дѣлаютъ здѣсь англичане, пишетъ онъ почти тотчасъ же по заключеніи новаго договора къ Досту въ Кабулъ, вамъ достаточно извѣстно; другіе подчинились ихъ желаніямъ, я же рѣшился присоединиться къ вамъ: да поможетъ вамъ небо справиться съ невѣрными!

Изъ двадцати восьми тысячъ человѣкъ

англійскаго и индійскаго войска, собравшагося на берегахъ Инда, десять тысячъ человѣкъ остались въ видѣ аррьергарда въ Синдѣ, для поддержанія связи между этою страною и боланскимъ проходомъ. Передъ выступленіемъ въ походъ изъ Шикарпура, шахъ пожелалъ сдѣлать смотръ войска; войска проходили передъ шахомъ, сидѣвшимъ на золотыхъ носилкахъ, и его величеству чрезвычайно понравились отличныя лошади и превосходное устройство всего войска. Не такъ думали ревностные и мыслящіе мусульмане изъ его свиты. « Горе, горе намъ, говорилъ одинъ изъ нихъ; дни Ислама сочтены; посмотрите, какіе властители меча всѣ эти невѣрные» (*)! Армія вышла наконецъ изъ города (23 февр. 1839) ночью, чтобы не страдать отъ зноя; по-

(*) *Five years in India*, by H. S. Faue. London' 1842.

шла пустыней Паттъ и, безъ всякаго сопротивленія, достигла Дадара, у боланскаго ущелья. Но здѣсь войско было окружено разбойничьимъ племенемъ белуджей, возбужденнымъ Мерабъ-Ханомъ келатскимъ; племя это напало на аррьергардъ и увело множество скота. Боланская рѣка, текущая изъ ущелій, доставляла войску воду въ изобиліи, но начинали уже чувствовать недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, такъ, что войску выдавалось только полпорціи съѣстнаго; за другую полпорцію выдавали деньгами. Ущелье, ширина котораго во многихъ мѣстахъ было не больше сорока или пятидесяти футовъ и котораго стороны составляли высокія прямыя вершины (*), было окружено белуджами, народомъ, привыкшимъ къ грабежамъ и убій-

(*) Наибольшее возвышеніе ущелья *Сири-Боланъ* достигаетъ 5793 фута надъ уровнемъ моря.

ствамъ. Здѣсь, отъ непріятелей и отъ трудности похода, погибло множество скота и людей, которыхъ разбойники умерщвляли самымъ жестокимъ образомъ. Въ концѣ ущелья нашли наконецъ такъ называемую безплодную равнину, гдѣ росъ впрочемъ дикій тиміанъ; отъ Дадара же и до этого мѣста не было и слѣда растительности; притомъ ежеминутно должно было защищаться отъ нападеній какеровъ, толпами рыскавшихъ около войска. Войско шло прямою дорогою на Кандахаръ чрезъ Кветту, бѣдный городъ, состоящій изъ землянокъ, безпрестанно сражаясь съ белуджами, изъ которыхъ многіе были взяты въ плѣнъ и повѣшены въ британскомъ лагерѣ. Глава какеровъ, Хаджи-Ханъ вышелъ на встрѣчу къ Шаху-Шуджѣ и призналъ его верховнымъ повелителемъ; но трое сирдаровъ, Кохандилъ, Рахандилъ и Мехедилъ, оставили городъ и удалились въ Гиришкъ,

крѣпость по ту сторону Хельменда, принадлежавшую къ ихъ княжеству. Для преслѣдованія ихъ послали войско и обложили крѣпость; они успѣли однако убѣжать и нашли убѣжище у белуджей. Въ Кандахарѣ (8 мая, 1839) Шахъ-Шуджа формально принялъ во владѣніе свое государство. Англичане, по восточному обычаю, принесли ему дары; афганы не учавствовали во всемъ этомъ, только сорокъ человѣкъ низшаго класса изъ народа Пушту присутствовали при этой комедіи; гильджи отослали къ шаху назадъ коранъ и объявили, что не хотятъ имѣть ничего общаго съ княземъ, посаженнымъ невѣрными. Англійскіе чиновники видѣли, какъ они обманулись въ расчетахъ на народность сластолюбца Шуджи, именемъ котораго хотѣли они завоевать Афганистанъ и править этою страною; не было недостатка и въ другихъ указаніяхъ, возбуждавшихъ безпо-

койство или по крайней мѣрѣ заставлявшихъ быть весьма осторожными.

Шахъ-Шуджа, съ своей стороны, выказалъ нерасположеніе къ англичанамъ; онъ освободилъ афгановъ, приговоренныхъ къ висѣлицѣ въ британскомъ лагерѣ, и подъ рукою покровительствовалъ грабежамъ своихъ земляковъ насчетъ, такъ называемыхъ, освободителей отечества. Въ съѣстныхъ припасахъ былъ большой недостатокъ; часто доходило даже до совершенно безнадежнаго голода. Князь келатскій, на приглашеніе Александра Бёрнса явиться въ лагерь князя Дурани и признать его верховнымъ повелителемъ, отвѣчалъ отказомъ и запретилъ своимъ подданымъ продавать англичанамъ даже излишекъ хлѣба. «Вы пришли въ эту страну, говорилъ Мехрабъ-Ханъ англійскому посланнику; это очень хорошо; но какъ вы изъ нея

выйдете (*)? Разумѣется, всѣ эти дурныя предвѣстія не отвратили англичанъ отъ ихъ предпріятія, и за это никто не станетъ ихъ порицать; но подлежитъ большему упреку безпечность въ чужой землѣ, бывшая главною причиною всѣхъ несчастій слѣдующихъ годовъ.

Въ Кандахарѣ, гдѣ въ мирное время считалось до восьмидесяти тысячъ человѣкъ народонаселенія, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, оставлены были слабые гарнизоны и войско пошло далѣе къ Гизни и Кабулу; Келати-Гильджи, или укрѣпленія гильджи, какъ называлось нѣсколько бѣдныхъ деревушекъ, сдались добровольно и войско достигло теперь страны Дурани, гдѣ одинъ плохой каменный мостъ составляетъ грани-

(*) Hough. 73, 107, 111, 114, 119.

цы между округами двухъ племенъ. При приближеніи британцевъ къ Гизни, едва можно было насчитать въ ихъ войскѣ болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Гизни, этотъ знаменитый городъ, изъ котораго происходилъ первый завоеватель и разрушитель Индостана, самъ по себѣ уже считался на всемъ Востокѣ за неприступную крѣпость; кромѣ того въ немъ было три тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ Хайдера, сына Достъ-Мухаммеда, который не задолго до того возвратился изъ похода противъ Мурадъ-Бега кондускаго. Но и эта крѣпость перешла скоро (23 іюля) въ руки англичанъ, потерпѣвшихъ самый незначительный уронъ. Бомба въ триста фунтовъ прорвала кабульскія ворота и тысячи британцевъ бросились въ проломъ, несмотря на сильное сопротивленіе и страшный непріятельскій огонь; прорвались впередъ, поражая ожесточенно бив-

шихся афганцевъ. Черезъ два часа потомъ, англійское знамя развѣвалось на стѣнахъ крѣпости, считавшейся неодолимою. Принцъ Хайдеръ и другіе знатные афганцы сдались и поручены были подъ присмотръ Бёрнса; въ городѣ оставленъ британскій гарнизонъ, а остальное войско пошло далѣе къ Кабулу.

Эти неожиданные успѣхи англичанъ побудили Достъ-Мухаммеда искать спасенія въ мирныхъ переговорахъ. Навабъ-Джабаръ-Ханъ, отличавшійся между всѣми афганами своимъ благоразуміемъ, отправился въ лагерь непріятелей и объявилъ, что эмиръ готовъ отказаться отъ власти, если шахъ Дурани обѣщается сдѣлать его государственнымъ визиремъ. Это предложеніе было отвергнуто: Досту и Шаху-Шуджѣ нельзя жить вмѣстѣ въ странѣ

афгановъ; Баракси долженъ подчиниться своей судьбѣ, добровольно отправиться въ Индостанъ, гдѣ онъ будетъ содержимъ въ почетномъ плѣну, съ платою ему большаго жалованья. Этому не бывать, отвѣчалъ Джабаръ, и не принялъ отъ Шуджи подарковъ, которыми тотъ думалъ склонить на свою сторону благороднаго афгана. Хотя прежде часто оскорбляемый своимъ братомъ, ханъ поспѣшилъ возвратиться въ Кабулъ, чтобы совѣтомъ и дѣломъ помогать въ бѣдствіи своему властителю и его семейству.

Войско, по голымъ вершинамъ горъ и между пропастями, пошло на Кабулъ. Сирдаръ, имѣя еще армію въ тринадцать тысячъ человѣкъ, не рѣшался однако на сопротивленіе; оставивъ всѣ пушки и множество скота, онъ бѣжалъ въ сѣверо-восточныя страны, къ Бгаміану, а шахъ Шуджа съ

великолѣпной свитою (7 авг.) вступилъ въ полуопустошенную столицу государства. Всѣ смѣялись тогда надъ слишкомъ осторожными людьми, говорившими, что походъ на Афганистанъ повлечетъ за собою для англичанъ только безчестіе и уронъ. Между тѣмъ, недостатокъ сочувствія со стороны народонаселенія,—ибо совершенно несправедливо, будто шахъ съ восторгомъ принятъ былъ своимъ народомъ,—и умерщвленіе въ окрестностяхъ города нѣсколькихъ капитановъ и солдатъ англо-индійскаго войска, должны были внушать впрочемъ уже и теперь весьма значительныя опасенія. Правительство калькуттское и его агенты думали, что они побѣдили всѣ трудности, когда трудности еще только что начались. Совершенно забыли роковыя слова князя келатскаго: «вы пришли въ эту страну, это очень хорошо; но какъ то вы изъ нея выйдете?» Люди легковѣрные

и не знавшіе страны конечно могли указывать съ гордостью на военные подвиги англо-индійскихъ войскъ, ибо и другой, слабѣйшій отрядъ, который для того, чтобы раздѣлить силы и вниманіе Баракси, посланъ былъ на Пешаверъ черезъ хайберскія ущелья, побѣждалъ, очень мало вспомоществуемый сейками, всякое сопротивленіе и дошелъ до мѣста своего назначенія. Этими войсками по имени командовалъ принцъ Тимуръ, старшій сынъ Шуджи, а дѣйствительно подполковникъ Уадъ.

Смерть Ренджита (1839, іюня 28) не повела за собой никакихъ невыгодныхъ послѣдствій; дружественныя отношенія между британцами и сейками нисколько не измѣнились; сейкская подмога въ шесть тысячъ человѣкъ, оставалась при англо-индійскихъ войскахъ. Британскій начальникъ это-

го десяти-тысячнаго войска подкупилъ большими деньгами часть хайберскихъ племенъ; опи сдержали слово и оказали ему довольно большія услуги. Акберъ-Ханъ, сынъ Доста, собравши нѣсколько тысячъ человѣкъ для сопротивленія вторгнувшимся непріятелямъ, не дерзнулъ, при этихъ обстоятельствахъ, отважиться на рѣшительную битву съ англичанами. Онъ еще прежде убѣждалъ отца позволить ему возвратиться въ Кабулъ, но потомъ самъ оставилъ всѣ пушки и бѣжалъ, какъ разбитый, на сѣверо-востокъ. Англичане заняли тогда крѣпость Али-Меджидъ въ хайберскихъ ущельяхъ, гдѣ впрочемъ, по причинѣ дурной и вонючей воды, европейцы немогли простоять долго и потомъ возвратились къ резиденціи для соединенія съ главною арміей. Храбрыя войска съ величайшими нуждами и лишеніями прошли около трехсотъ пятидесяти миль и притомъ опасныя

и трудныя ущелья, гдѣ сами они должны были пробивать дорогу, величайшій и труднѣйшій маршъ англо-индійскаго войска (*).

Рѣшительно непонятно, какимъ образомъ первые гражданскіе и военные чиновники англо-индійскаго правительства, Мекнайтенъ, Бёрнсъ, Кинь и другіе, могли считать страну афгановъ спокойнымъ и безопаснымъ завоеваніемъ и поторопились отпустить до зимнихъ мѣсяцевъ большую часть войска въ Индостанъ. Земля эта была завоевана только въ ихъ головѣ, а нисколько не въ дѣйствительности. Въ Кабулѣ и Джелалабадѣ, въ Гизни и Кан-

(*) Отъ Калькутты въ Кабулъ черезъ Мирутъ, Карналъ, Пешаверъ и Хайберы—428; потомъ черезъ Синдъ, боланское ущелье и Кандахаръ 590 нѣмецкихъ миль.

дахарѣ, оставлены были гарнизоны; часть войска пошла назадъ въ этотъ послѣдній городъ и въ Кветту; главная же армія, съ частію плѣнныхъ, черезъ хайберскія ущелья, гдѣ на нее нападали сосѣднія хищныя племена, на Пешаверъ и къ Инду. Англичане считали себя такъ безопасными въ Афганистанѣ, что пренебрегли привлечь къ новому порядку вещей разбойничьи орды, нѣкоторыми, собственно незначительными, но по историческимъ и мѣстнымъ причинамъ важными, пожертвованіями. Торговались съ двумя племенами, жившими въ окрестностяхъ Хайберовъ: *Афреди* и *Шанвари*, на счетъ суммы, которую съ незапамятныхъ временъ получали они какъ хранители ущелій, и насчетъ пошлинъ, взимаемыхъ съ провозимыхъ товаровъ. Шахъ-Надиръ заплатилъ имъ, за безпрепятственный проходъ своего войска, девять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; во вре-

мена монархіи Дурани получали они ежегодно по 13,000 фунтовъ и кромѣ того взимали пошлины съ товаровъ и проѣзжихъ, какъ мусульманъ, такъ равно и индусовъ. Теперь же, они должны были довольствоваться двѣнадцатью тысячами и отказаться отъ пошлинъ, составлявшихъ единственное средство пропитанія для этихъ людей, ненавидящихъ всякую работу; слѣдствіемъ этого были нападенія на проѣзжихъ англичанъ во всякомъ случаѣ, когда была какая нибудь надежда на успѣхъ и добычу. Сейкскія войска, при подобныхъ нападеніяхъ, обыкновенно обращались въ бѣгство. Эти поступки оставляли пока не отмщенными, но не такъ смотрѣли на хитрую вражду Мехрабъ-Хана келатскаго, которому приписывали истребленіе многихъ арріергардныхъ отрядовъ войска, шедшаго черезъ боланскія ущелья въ Индію. Часть войска получила немедленно повелѣніе разрушить

разбойничье гнѣздо белуджей. Мехрабъ и его товарищи были люди храбрые; они пали съ мечемъ въ рукѣ (1839, 14 ноября). Побѣдители объявили сокровища падшаго князя и всю его собственность своею законною добычей. Найдено было множество драгоцѣнныхъ камней и жемчугу и, чего вовсе не ожидали, большое количество зрительныхъ трубокъ, лучшія европейскія карты Индіи и новѣйшія англійскія каррикатуры. Княжество осталось покамѣстъ въ рукахъ завоевателей, которые послѣ, какъ мы увидимъ, раздробили его на нѣсколько частей, чтобы вѣрнѣе покорить Белуджистанъ.

Генералъ-губернаторъ Индіи благодарилъ войска за великія услуги, оказанныя ими отечеству. Провидѣніе, сказано въ оффиціальномъ манифестѣ, уничтожило планы враговъ британскаго государства

въ Индіи: владѣльцы Кабула и Кандахара и союзники этихъ коварныхъ измѣнниковъ лишены власти и страна ихъ отдана дружественно расположенному къ Англіи правителю; князья синдскіе признали верховную власть Великобританіи — важный передовой постъ для защиты нашего индійскаго государства. Съ сейками мы связаны тѣсно, правительство гератское ищетъ нашей дружбы и между нами и имъ царствуетъ теперь совершенное согласіе. Высшимъ военнымъ чинамъ объявляется особенная благодарность генералъ-губернатора за то, что они умѣли сохранить совершенное единогласіе съ политическими агентами; только такимъ образомъ могло быть сдѣлано столько важнаго въ такое короткое время. Нѣсколько ограниченныхъ и добрыхъ людей изъ офицеровъ, украшенные новымъ дуранійскимъ орденомъ, дѣйствительно думали, что по-

ходомъ на Афганистанъ оказана большая услуга понятію законности. Они забывали, что Суддоси Шуджа-Эль-Мулькъ имѣлъ столь же мало правъ на кабульскій престолъ, какъ и глава Бараксн, Достъ-Мухаммедъ. Индусская армія была распущена въ началѣ года (1840) и войска пошли на постоянныя квартиры. Главнокомандующій спѣшилъ возвратиться въ отечество, чтобы получить поскорѣе награду за свои афганскія побѣды, и предоставилъ своему преемнику несравненно труднѣйшее дѣло — усмиреніе и успокоеніе повсюду взволнованной страны.

Въ Кабулѣ, во всѣхъ городахъ и округахъ Афганистана, показались слишкомъ явные признаки нерасположенія народа къ новому порядку вещей. Князья и глава были частію захвачены въ плѣнъ, частію побѣждены, но не упали духомъ; они ни-

когда не могли дѣйствительно сдѣлаться вѣрноподданными невѣрныхъ френджи, или, что все равно, ихъ проклятаго любимца. Вельможи, привлеченные обѣщаніями наградъ и почестей и обманутые вѣроломными невѣрными, жаждали мести. Ибо никто, ни Шуджа, ни англичане, не сдержали честно своего слова, послѣ счастливаго завоеванія земли (*).

Достъ-Мухаммедъ со всѣмъ своимъ семействомъ скрывался въ кабульскихъ горахъ и старался найти себѣ союзниковъ въ разбойничьемъ племени Юсоффи. Нѣкогда рука князя тяжело налегала на

(*) Много примѣровъ разсказываетъ Мэгенъ-Лель въ History of Dost Muhammed. London. 1847. II,208. онъ самъ краснѣетъ за англичанъ, своихъ повелителей.

этихъ непокорныхъ афганскихъ каледонцевъ: Мухаммедъ раздувалъ пламя ненависти между различными колѣнами, желая, чтобы они истребили другъ друга; онъ умертвилъ многихъ мятежныхъ начальниковъ и наложилъ на страну тяжелыя подати. Но все зло, сдѣланное этимъ горцамъ, было забыто ими при видѣ бѣгущаго отъ невѣрныхъ эмира. Они столпились вокругъ Баракси и обѣщали ему помощь противъ нечистыхъ френгинстанскихъ кафировъ, которые,—ужасное преступленіе въ глазахъ правовѣрныхъ,—ѣдятъ свиное мясо и ласкаютъ собакъ. Британское войско поспѣшило въ Бгаміанъ, чтобы захватить эмира, и старинный измѣнникъ Хаджи-Ханъ-Какеръ былъ его проводникомъ. Естественно, что британцы были проведены имъ за носъ и, ничего не сдѣлавъ, принуждены были возвратиться въ Кабулъ.

Изгнанный князь и мужественный сынъ его Акберъ возбуждали сочувствіе и состраданіе всѣхъ сосѣднихъ мусульманъ, хотя прежде они и были съ ними въ раздорѣ. «Если инглисы будутъ властвовать въ Кабулѣ, то скоро, побужденные хищничествомъ и властолюбіемъ, они протянутъ свои насильственныя руки къ Кондусу и ко всѣмъ мусульманско-узбегскимъ владѣніямъ. Не даромъ посѣщали они рубиновыя копи Бадакшана. Намъ изъ многихъ опытовъ извѣстно, что невѣрные имѣютъ корыстолюбивыя цѣли на царства Ислама; они стараются узнавать наши земли, изслѣдуютъ ихъ слабыя стороны и вторгаются въ удобное время съ своими войсками, покоряютъ жителей и склоняютъ ихъ къ своему многобожію». Увлекаемыя подобными рѣчами, толпы обитателей Колума, Кондуса и Бохары, куда удалился Достъ со всѣмъ своимъ семей-

ствомъ, собрались вокругъ изгнаннаго эмира. Съ князьями всѣхъ этихъ колѣнъ, въ продолженіе зимы, заключены были оборонительные и наступательные союзы, а въ началѣ весны, предположено было собща начать дѣйствія.

Въ это время англичане заняты были довершеніемъ завоеванія страны, утвержденіемъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ; шахъ жилъ зимою въ Джелалабадѣ, они уже закидывали сѣти на другія земли средней Азіи. Сначала думали даже о походѣ на ту сторону Аму, въ Самаркандъ и Бохару; исполненіе этого замедлилось впрочемъ по причинѣ необыкновеннаго холода и глубокихъ снѣговъ, завалившихъ дороги. Зимой въ войскѣ была большая смертность; горныя цѣпи около Бгаміана заслужили снова свое старое, отъ временъ падишаха Акбера и Ауренгзеба идущее

прозванiе—Гиндукушъ, убiйцъ индусовъ. Только въ лѣтнiе мѣсяцы были въ состоянiи послать нѣсколько корпусовъ на берега Окса; но это не имѣло никакихъ другихъ послѣдствiй, кромѣ устрашенiя узбеговъ Колума и Кондуса, которые обѣщали прислать посланниковъ для заключенiя договоровъ съ британцами. Тщетно впрочемъ ожидали въ Кабулѣ исполненiя этого обманчиваго обѣщанiя. Нѣкоторыя возстанiя владѣльцевъ и колѣнъ были усмирены силою оружiя, хотя съ весьма значительнымъ урономъ со стороны англо-индiйцевъ; естественно, что дикая храбрость гильджи и юсоффи, повсюду была побѣждена тактикою и разрушительными снарядами европейцевъ. Нѣсколько времени въ странѣ и во всѣхъ округахъ Афганистана царствовали необыкновенный порядокъ и спокойствiе.

Британскіе агенты и резиденты въ средней Азіи пользовались этими счастливыми обстоятельствами, для распространенія вліянія и владычества своего отечества въ земляхъ по ту сторону Аму. Всѣ члены англійскаго правительства, во времена лорда Оукленда, особенно боялись русскихъ; каждый день ждали похода русскаго войска на Индостанъ, опасенія которыя дошли до смѣшной робости при вѣсти объ экспедиціи въ Хиву. Разъ даже Бёрнсъ получилъ отъ своихъ тамошнихъ агентовъ извѣстіе, что русскіе завоевали Хиву и ускореннымъ маршемъ идутъ на Бохару; въ другой разъ прошелъ слухъ, что повелитель бохарскихъ правовѣрныхъ заключилъ съ Императоромъ русскимъ наступательный и оборонительный союзъ и что они оба вмѣстѣ идутъ на Балкъ. Военная экспедиція русскихъ въ Хиву имѣла, какъ извѣстно, гораздо больше историческаго

основанія, чѣмъ предпріятіе англо-индійскаго правительства противъ Кабула; русскіе по всей справедливости могли сказать, что только необходимая защита вызвала эту войну. Узбегскіе разбойники грабили караваны, препятствовали торговлѣ и рыбной ловлѣ на Каспійскомъ морѣ и уводили въ плѣнъ множество русскихъ. Для наказанія ихъ за всѣ эти злодѣянія, отправилось изъ Оренбурга (ноября 1839), подъ предводительствомъ генерала Перовскаго, войско, которое съ величайшими трудами и лишеніями, въ невыносимо холодное время, по степямъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, пошло къ Эмбѣ и Аральскому морю.

Англичане, подъ вліяніемъ той мысли, что русскіе намѣрены, въ союзѣ съ киргизъ-кайсаками, узбегами и туркменами, идти на Балкъ и Гератъ, услыхавъ объ объ-

явленіи войны Хивѣ, послали множество агентовъ въ страны по ту сторону Окса, чтобы собрать свѣдѣнія о намѣреніяхъ русскихъ и всѣми возможными способами препятствовать ихъ предпріятіямъ. Говорили также, что впрочемъ очень невѣроятно, будто Аллахъ-Кули, ханъ хивинскій, посылалъ къ англичанамъ просить помощи оружіемъ и деньгами. Какъ бы то ни было, но достовѣрно только, что маіоръ Тоддъ, англійскій посланникъ при Камранъ-Шахѣ, посылалъ изъ Герата въ Хиву одного капитана, не знавшаго ни языка, ни нравовъ жителей (дек. 1839), чтобы убѣдить хана прибѣгнуть подъ покровительство Англіи, или, покрайней мѣрѣ, къ ея посредничеству въ войнѣ съ Россіею. Это посольство осталось впрочемъ безъ послѣдствій; у капитана Аббота не было ни знаній, ни способностей, которыхъ требовало такое трудное дѣло и

онъ былъ очень доволенъ въ цѣлости возвратиться съ русской границы (*). При второмъ посольствѣ въ Хиву, Тоддъ умѣлъ достигнуть болѣе счастливаго результата. Мекнайтенъ послалъ къ маіору важныя депеши для Аббота съ приказаніемъ доставить ихъ немедленно. Въ Гератѣ же было извѣстно, что Абботъ уѣхалъ изъ Хивы; нуженъ былъ другой кто либо для исполненія приказаній министра. Сэръ Р. Шекспиръ былъ отправленъ въ Хиву и умѣлъ оказать здѣсь большія услуги государственнымъ интересамъ и человѣчеству вообще.

(*) Абботъ самъ признается въ этомъ въ своемъ Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscou and St. Petersburg. London. 1843, книгѣ пустой и ничтожной. Я справлялся въ 1840 въ Остъ-Индской компаніи; онъ служитъ у нея по тайнымъ порученіямъ.

Не только Хива,—Бохара и Кокандъ подверглись тайнымъ внушеніямъ западныхъ островитянъ; можетъ быть, хотѣли они, съ этой стороны, завести связи съ всегда безпокойными узбегами въ китайскомъ Туркестанѣ, чтобы произвести смуты на сѣверо-западѣ Серединной-Имперіи и побудить пекинское правительство къ скорѣйшему заключенію мира, выгоднаго для Англіи. Для этихъ цѣлей избраны были офицеры Стёддортъ и Конолли. Полковникъ Чарльсъ Стёддортъ отличился на службѣ своему отечеству въ различныхъ странахъ свѣта; онъ былъ въ эвфратской экспедиціи подъ начальствомъ Шене, потомъ служилъ секретаремъ посольства въ Тегеранѣ, гдѣ своимъ мужествомъ, умомъ и необыкновенною способностью къ персидскому языку, скоро достигъ того, что сдѣлался любимцемъ молодаго шаха и всѣхъ персидскихъ вельможъ. Мухаммедъ-Шахъ,

имѣющій военныя наклонности, при всей бѣдности и истощеніи страны, хотѣлъ знать о всѣхъ герояхъ древнихъ и новыхъ временъ, о герояхъ Рума, т. е. Рима, и Френгистана. Стёддортъ удовлетворилъ его желанію и написалъ поперсидски жизнеописанія знаменитѣйшихъ людей Запада. Рѣшено было идти на Афганистанъ и боялись съ одной стороны, что владѣлецъ Бохары поспѣшитъ на помощь къ своимъ единовѣрцамъ, съ другой стороны, хотѣли, какъ уже сказано, воспротивиться предполагаемымъ планамъ Россіи. Полковникъ Стёддортъ былъ наиболѣе способенъ къ порученію; онъ, по приказанію лорда Пальмерстона, былъ посланъ англійскимъ посланникомъ при персидскомъ дворѣ въ Бохару и снабженъ оффиціальными бумагами. Полковникъ сначала былъ принятъ ласково и дружественно, ибо боялись, что вслѣдъ за нимъ придетъ войско. Но эта ласко-

вость была не продолжительна. Стёддортъ въ скорости былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ онъ не замѣдлилъ познакомиться съ Акберъ-ханомъ кабульскимъ; они долго были товарищами несчастія въ одной темницѣ; этотъ послѣдній говорилъ всегда съ коварнымъ удивленіемъ о своемъ другѣ, какъ онъ называлъ полковника, и многіе честные люди вѣрили его словамъ (*). Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что сладкорѣчивый Акберъ былъ главною пружиною всѣхъ несчастій британца. Акберъ, вѣроятно съ вѣдома бохарскаго властелина, самъ убѣжалъ изъ тюрьмы; Стеддортъ напротивъ остался тамъ и наконецъ, отъ всѣхъ страданій въ ужасной темницѣ такъ обезсилѣлъ духомъ и тѣломъ, что хотѣлъ спасти

(*) A journal of the desasters in Afghanistan 1841 -42. By lady Sale. London. 1843.

жизнь свою явнымъ принятіемъ исламизма. Индійское правительство, узнавъ о несчастіи своего агента, послало къ хану съ нѣкоторыми туземцами дружественное, но вмѣстѣ довольно строгое письмо; съ Стёддортомъ снова начали обходиться съ величайшимъ уваженіемъ и полковникъ опять повѣрилъ расположенію Назиръ-Аллаха. Я хочу, писалъ онъ къ одному пріятелю, еще остаться въ этой землѣ и употребить все возможное для того, чтобы пріобрѣсти британской націи большое вліяніе въ этихъ странахъ свѣта. Но дружелюбное расположеніе хана было вынужденное, было слѣдствіемъ страха. Едва только получена была въ Бохарѣ вѣсть о дѣйствіяхъ афганскихъ патріотовъ противъ невѣрныхъ инглисовъ, какъ Стёддортъ, какъ говорятъ, вслѣдствіе письма друга своего Акбера, былъ брошенъ снова въ темницу, вмѣстѣ съ другимъ англи-

чаниномъ, раздѣлившимъ съ нимъ несчастіе.

Имя Артёра-Конолли довольно славно и на войнѣ и въ литературѣ; авторъ поучительнаго путешествія изъ Европы въ Индію, черезъ Россію, Персію и Афганистанъ, принадлежитъ къ числу благородныхъ мужей, желавшихъ, чтобы не вовсе безъ слѣда исчезла ихъ жизнь въ рѣкѣ временъ. Конолли избралъ театромъ своей полезной дѣятельности пренебрегаемыя путешественниками страны Турана между Аму, Сыромъ и Болорскими горами; онъ проѣзжалъ (1841) странами прежде бывшаго княжества кокандскаго, завоеваннаго не задолго передъ тѣмъ Бохарою, и отъ времени до времени посылалъ къ калькуттскому правительству въ высшей степени интересныя замѣтки объ этихъ, столь мало извѣстныхъ, земляхъ.

Конолли, бывшій въ дружественной связи съ Стёддортомъ, получилъ изъ Бохары отъ повелителя правовѣрныхъ самое лестное приглашеніе, которое по неосторожности было принято тотчасъ же. Но едва путешественникъ пріѣхалъ во владѣнія варваровъ, какъ въ туже минуту былъ схваченъ и брошенъ въ ту самую темницу, куда уже заключенъ былъ Стёддортъ. До сихъ поръ согласны всѣ извѣстія, пришедшія въ Англію и Индію о судьбѣ двухъ офицеровъ; они основаны по бо̀льшей части на двухъ письмахъ, полученныхъ Джономъ Конолли отъ брата его Артёра, когда этотъ послѣдній въ видѣ заложника жилъ въ домѣ Навабъ Симанъ-Хана въ Кабулѣ. Во второмъ и послѣднемъ письмѣ находится извѣстіе, что оба офицера томились сто-двадцать дней отъ жару и удушливой атмосферы въ ямѣ, исполненной всякаго рода насѣкомыхъ, гдѣ

имъ не дали даже ни разу перемѣнить платія. Тщетно употреблены были всѣ средства, чтобы исторгнуть этихъ достойныхъ людей изъ рукъ Назиръ-Аллаха; генералъ-губернаторъ Индіи, Россія, Порта и Хива тщетно предстательствовали за офицеровъ; даже на письмо англійской королевы не обращено было вниманія. Въ Индіи и Европѣ распространились разнаго рода слухи о судьбѣ этихъ несчастныхъ. По однимъ, Конолли умеръ въ тюрьмѣ, по другимъ оба они находились еще въ живыхъ Наконецъ, пришло несомнѣнное извѣстіе (1842, іюня 17), что Стёддортъ и Конолли, несмотря на то, что первый три года уже какъ принялъ исламизмъ, были всенародно обезглавлены, на четырехъ-угольной площади передъ тюрьмою (*). Одному вмѣнена бы-

(*) Подробный разсказъ объ этомъ англійскаго агента Салехъ Мухаммеда помѣщенъ въ Times, 22 авг. 1843.

ла въ преступленіе переписка съ его земляками въ Кабулѣ, другаго казнили за его дѣйствія въ Кокандѣ, противныя выгодамъ повелителя бохарскихъ правовѣрныхъ. Эти факты подтверждены были путешествіемъ предпріимчиваго доктора Вольфа въ Бохару.

При этомъ повсемѣстномъ волненіи въ средней Азіи, заставлявшемъ предполагать далеко закинутые планы, средоточіемъ которыхъ былъ Кабулъ, британцы не теряли изъ глазъ бѣглеца Достъ-Мухаммеда. Мекнайтенъ началъ переговоры съ эмиромъ, оставившимъ Бохару, гдѣ онъ былъ дурно принятъ и даже сначала заключенъ въ тюрьму, и снова удалившимся на южные берега Аму; Мекнайтенъ надѣялся, что князь не рѣшится на дальнѣйшую борьбу и подчинится желаніямъ Великобританіи. Но въ этомъ онъ

обманывался. Нѣсколько неудачъ, испытанныхъ въ послѣднее время англичанами, ободрили Доста вновь соединиться съ Колумомъ и Кондусомъ и еще разъ испытать военное счастье. «Если разъ только враги потеряютъ значительную битву, вся страна возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ». Еще не задолго передъ тѣмъ, открытъ былъ заговоръ, къ которому принадлежали первые и могущественнѣйшіе изъ кабульцевъ и котораго цѣлію было низпроверженіе существующаго правительства и умерщвленіе всѣхъ чужеземцевъ (*). Счастіе покровительствовало начинаніямъ эмира; англичане должны были отозвать свои передовые посты въ Бгаміанъ, а афганскія войска ихъ толпами стремились къ своему прежнему повели-

(*) Письмо Бёрнса къ посланнику отъ 22 авг. 1840. A. J. 39. I. 194.

телю. Князь и его союзники, многочисленные узбеги, были впрочемъ разбиты отрядомъ англичанъ, которые быстро пришли изъ Кабула, оттѣснили непріятелей за Бгаміанъ, взяли приступомъ и разрушили горную крѣпость Сиханъ. Достъ-Мухаммедъ впрочемъ вскорѣ снова усилился и при томъ въ такой степени, что, у перванскаго ущелья въ горной кабульской странѣ, разбилъ на голову непріятелей, потерпѣвшихъ значительный уронъ. Англо-индійскія войска, при первомъ напорѣ непріятеля, оставили своихъ европейскихъ начальниковъ, которые большею частію были истреблены. Въ этомъ сраженіи погибъ и извѣстный естествоиспытатель, докторъ Лордъ.

Дальновидный эмиръ не предавался впрочемъ блестящимъ надеждамъ; онъ сознавалъ свое безвыходное положеніе, зналъ

что, при настоящемъ состояніи дѣлъ, Бараксп наконецъ будутъ побѣждены, несмотря на частныя удачи. Тайныя сношенія съ сейками и, какъ говорятъ, даже съ Непаломъ, ровно ни къ чему не повели; скоро должна была начаться зима и притомъ Бёрнсъ ревностно переманивалъ денежными подкупами приверженцевъ изгнанника, а денежныя средства эмира истощались. Достъ скоро рѣшился: онъ отправился въ Кабулъ, гдѣ мать его, сестры и многіе другіе члены семьи нѣсколько мѣсяцевъ жили уже подъ покровительствомъ англичанъ, и отдался великодушію англійскаго посланника. Сынъ его Акберъ охуждалъ этотъ скорый поступокъ: онъ отдѣлился отъ отца и еще разъ бѣжалъ черезъ Гиндукошъ къ князю бохарскихъ правовѣрныхъ. Англичане, думалъ Эмиръ, народъ великодушный, они хорошо примутъ врага, который нѣ-

сколько разъ поражалъ ихъ и наконецъ добровольно отдался въ плѣнъ; «можетъ быть, теперь, зная по собственному довольно печальному опыту мое вліяніе на страну, они сами дадутъ мнѣ мѣсто визиря, котораго я просилъ прежде». Не разъ обманывались люди въ расчетахъ на великодушіе непріятеля;—обманулся и князь кабульскій; ему нисколько не помогло то, что онъ (1840, ноября 5) самъ поспѣшилъ на встрѣчу посланнику, почтительно слѣзъ съ лошади и отдалъ саблю въ знакъ плѣна. Мекнайтенъ былъ довольно учтивъ, чтобы отдать князю назадъ его оружіе, что видимо обрадовало плѣнника, которому это показалось добрымъ предвѣстіемъ для будущихъ его желаній и надеждъ. Достъ-Мухаммедъ обманулся. Его присутствіе въ Афганистанѣ казалось противнымъ государственному интересу Англіи и обширнымъ планамъ ея; его

вмѣстѣ съ семействомъ послали за Индъ и назначили ему мѣстомъ заключенія то самое мѣсто, гдѣ нѣкогда Шахъ-Шуджа жилъ на хлѣбѣ компаніи.

Высокомѣрные и произвольные поступки шаха и его рабовъ не мало содѣйствовали къ тому, чтобы отвратить отъ френджи сердце фанатическаго народа и ускорить проявленіе неизбѣжной борьбы. Шахъ-Шуджа правилъ по примѣру Мегмеда-Али египетскаго и Мурадъ-Бега кондусскаго. Жители равнинъ и долинъ удалились въ неприступныя горныя твердыни и ущелья не потому, чтобы они не любили порядка и спокойствія, но потому, что не могли платить требуемыхъ съ нихъ новымъ правительствомъ тяжкихъ податей. Визирь, слабохарактерный и гордыми главами хаиля презираемый мулла, еще болѣе возбудилъ ненависть

и презрѣніе къ своему, не любимому и такъ во всей землѣ, властелину. Мулла-Шикаръ, любимецъ князя, былъ человѣкъ пустой, безталантный и ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ. Этотъ визирь зимою (1840-41) опечаталъ всю муку въ кабульской странѣ, чтобы послѣ продавать ее по дорогой цѣнѣ на базарахъ, и запретилъ многимъ мясникамъ продавать по обыкновенной цѣнѣ мясо. Войскамъ, вмѣсто жалованья, отданы были нѣкоторые округи почти на разграбленіе; они отправились туда и жили совершенно на счетъ бѣдныхъ поселянъ. За всѣ преступленія и проступки можно было расплачиваться деньгами; если одинъ афганъ отсѣкъ у другаго руку, вышибъ зубы или повредилъ черепъ, ему стоило только заплатить намѣстнику шаха извѣстную сумму денегъ и онъ былъ свободенъ отъ наказанія. Сверхъ того, старый властолюбецъ ввелъ новый придвор-

ный церемоніалъ, которому могли подчиняться рабы, персы и индостанцы, но не свободные главы Афганистана. Никто доселѣ, говорили они съ негодованіемъ, не осмѣливался вводить въ странѣ нашей такихъ обычаевъ; съ Достъ-Мухаммедомъ сидѣли мы рядомъ, какъ равные ему по рожденію, свободные люди, а передъ рабомъ невѣрныхъ будемъ стоять съ распростертыми руками, какъ толпа на рынкѣ купленныхъ рабовъ!—Эти и другія подобныя жалобы Бёрнсъ представилъ на судъ шаха и Мекнайтена, изображая въ рѣзкихъ чертахъ печальное положеніе страны. Все было тщетно. Посланникъ, или министръ, какъ онъ лучше любилъ называться, думалъ, какъ всѣ слабые и самолюбивые люди, что все пойдетъ хорошо со временемъ, что ничего нельзя сдѣлать вдругъ; онъ отвѣчалъ даже съ неудовольствіемъ и насмѣшкою на жалобы

полковника. Визирь, говорилъ онъ между прочимъ, весьма честный, благомыслящій человѣкъ; конечно очень жаль, что онъ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній въ государственномъ хозяйствѣ, но этого нельзя и ожидать отъ афгана; фанатизма теперь нечего бояться, онъ потерялъ свою силу и можетъ получить ее снова развѣ только вслѣдствіе слишкомъ большихъ ошибокъ со стороны англичанъ. Вся страна съ начала этого года (1841) наслаждается спокойствіемъ и порядкомъ, которыхъ эти несчастныя земли не знали болѣе ста лѣтъ, со временъ владычества великихъ Моголовъ.

Между тѣмъ въ какомъ состояніи дѣйствительно находились округи и города Афганистана? Родина народа пушту была только пройдена, а не завоевана британскимъ войскомъ. Только тамъ, куда про-

никала сила, въ равнинахъ и долинахъ, повиновались шаху; многочисленныя горныя владѣнія, гдѣ жили гильджи, не подчинялись владычеству невѣрныхъ; даже по главной дорогѣ страны, на возвышенности между Гизни и Кабуломъ, не могли удержать спокойствія. Министръ давно уже просилъ о присылкѣ изъ Индіи новыхъ полковъ, а въ особенности европейскихъ, вступилъ даже въ важные споры съ калькуттскимъ правительствомъ, повидимому заботившимся только о томъ, какъ бы уменьшить значительные расходы на Афганистанъ и вообще на среднюю Азію, и думавшемъ, что все сдѣлается со временемъ. Оно желало лучшихъ, болѣе успокоительныхъ извѣстій, и непостижимо, какъ Александръ Бёрнсъ удовлетворилъ его желанію. Этотъ благородный шотландецъ, человѣкъ съ высокимъ умомъ и обширными свѣдѣніями, повиди-

мому, никогда не измѣнялъ долгу чести и твердости характера; но въ этомъ случаѣ, поступки его бросаютъ на него тѣнь. Мы должны упрекнуть его, хотя еще молодаго человѣка, въ томъ, что онъ завелъ себѣ гаремъ изъ афганскихъ красавицъ, ибо это, можетъ быть, не мало содѣйствовало къ возбужденію ненависти оскорбленныхъ отцевъ, мужей и всей земли. Многосвѣдущій мужъ могъ знать изъ Маккіавелли, что любовныя шашни низпровергали власти, покрѣпче владычества Шаха-Шуджи и его верховныхъ повелителей. Никто не повѣритъ, чтобы ясный умъ Бёрнса, обогащенный знаніемъ всѣхъ отношеній страны, ошибся во взглядѣ на ея настоящее состояніе да и напечатанныя письма его доказываютъ совершенно противное. Только расчеты эгоизма заставили посланника написать къ лорду Оукленду, что свѣжихъ войскъ вовсе не-

нужно, что можно отдѣлить даже часть находящихся въ странѣ гарнизоновъ, и это въ ту самую минуту, когда онъ пишетъ къ друзьямъ своимъ на родину о безотрадномъ состояніи дѣлъ Афганистана, жалуется на то, что не слушаются его совѣтовъ. Бёрнсъ,—вотъ разгадка этого двусмысленнаго поведенія,—хотѣлъ угодить индостанскому генералъ-губернатору, думалъ только этимъ достичь своей цѣли, т. е. сдѣлаться преемникомъ Мекнайтена, которому поручено было президентство въ Бомбеѣ. Но на родинѣ своей, Бёрнсъ старался распространить мнѣніе, что все пойдетъ лучше, какъ только ему отдадутъ управленіе. Самъ же посланникъ думалъ только о своемъ новомъ постѣ; онъ желалъ какъ можно скорѣе оставить вулканическую почву Афганистана и на новомъ мѣстѣ насладиться плодами всѣхъ заботъ, трудовъ и лишеній. И вслѣдствіе

этого эгоизма, цѣлое войско, множество превосходныхъ людей становятся добычею безсовѣстныхъ цѣлей или, выражаясь кротче, непростительнаго легковѣрія своихъ вождей; каждый, смотрѣвшій прямыми глазами на положеніе, былъ осмѣиваемъ какъ ложный пророкъ. Многимъ, впрочемъ, было совершенно неизвѣстно истинное настроеніе умовъ въ странѣ; ибо англичане жили въ Афганистанѣ такъ, какъ они живутъ обыкновенно вездѣ: они чуждались туземнаго народонаселенія и имъ служили привезенные ими люди. У посланника было въ свитѣ нѣсколько туземцевъ и между прочимъ одинъ мулла изъ Кандахара, которому онъ безусловно довѣрялъ. Невѣроятное дѣло! Еще перваго ноября, Бёрнсъ увѣрялъ посланника, что народонаселеніе совершенно спокойно и что его превосходительство безъ опасенія можетъ оставить страну, завоеваніемъ кото-

рой отечество обязано его совѣтамъ. Даже одного главу, объявившаго о заговорѣ противъ френджи, Бёрнсъ послалъ къ чорту, посовѣтовавши ему держать при себѣ такую глупую вѣсть и не передавать ея войскамъ. Такимъ же образомъ пренебрежены были и всѣ другія предостереженія, высказанныя даже совершенно ясно. Ложь всего, что окружало несчастнаго министра, дошла до того, что его придворная афганская свита, состоявшая изъ *трехъ* человѣкъ, даже когда началось возмущеніе, увѣряла его, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, что все тотчасъ же будетъ приведено въ порядокъ и спокойствіе возстановится (*).

А между тѣмъ самые камни уже давно

(*) *Lady Sale*. I. 56. 58. II. 268. Eyre 22

вопіяли о всеобщемъ возстаніи въ странѣ, объ измѣнѣ главъ, о перешедшей черезъ край ненависти всего народонаселенія, которое, какъ мы уже видѣли, было глубоко оскорблено нарушеніемъ своихъ старыхъ законовъ и обычаевъ. Все это, какъ говоритъ прямо Мегенъ-Лель, было извѣстно и посланнику и Бёрнсу, подъ начальствомъ которыхъ служилъ вѣрный и умный индіецъ, и они не приняли никакихъ средствъ къ предотвращенію грозившей имъ гибели. Они напротивъ грубо обходились съ главами, не платили имъ жалованья и грозили изгнаніемъ (**). Впрочемъ не одни они были виною несчастія. Съ самаго начала великое и многотрудное дѣло было ведено легкомысленно и неразсудительно. Въ обитаемой гор-

(**) Письма *Мегенъ-Леля*. 421.

дымъ и воинственнымъ народонаселеніемъ странѣ, окруженной стѣнами высокихъ горъ, въ странѣ, самой природою укрѣпленной, должно было наблюдать всевозможную осторожность и осмотрительность, чтобы не быть застигнуту въ расплохъ какимъ-либо неожиданнымъ возстаніемъ. Ничего подобнаго не было или было совершенно этому противное; голосъ войска въ такой степени былъ противъ сэра Джона Кина, что за нимъ оставалось прозваніе *счастливаго удальца*; въ самомъ дѣлѣ, во всемъ походѣ, онъ замѣчателенъ былъ больше своей удачею, чѣмъ разсудкомъ. Генералъ довольствовался славою завоеванія страны, со временъ Александра Македонскаго не видавшей никакого европейскаго непріятеля, и поспѣшилъ потомъ возвратиться на родину за почестями и денежными наградами; преемникамъ своимъ предоставилъ онъ менѣе блестя-

щее, но несравненно труднѣйшее дѣло: покорить многочисленныя горныя твердыни, успокоить взволнованное въ государственныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ народонаселеніе, и все это едва съ половиною войскъ, пришедшихъ въ Кабулъ черезъ боланскія и хайберскія ущелья. Для оставшагося войска не было приготовлено укрѣпленнаго лагеря и не позаботились даже обезопасить проходъ черезъ ущелья, для непрерывной связи съ Индостаномъ этихъ войскъ, оставленныхъ какъ бы на пустынномъ острову. Между тѣмъ разстояніе отъ Кабула до Фироспура, первой подъ властію Англіи находящейся станціи по ту сторону Инда, не менѣе полутораста географическихъ миль (*).

(*) *Eyre*. 208. «Уже отъ 14 апр. пишутъ изъ Кабула, что ничего не сдѣлано для обезпеченія арміи отъ внезапнаго возстанія».

Какъ легко могло случиться внезапное несчастіе при волненіи и вѣроломствѣ хищныхъ афгановъ и белуджей, показали событія въ Кабулѣ и вокругъ его. Княжество у белуджей было раздроблено: провинціи Шараванъ-Шаль или Кветта (*) и Катчъ-Гандава присоединены къ новому королевству кабульскому и на престолъ келатскій посаженъ Навасъ-Ханъ, потомокъ старшей линіи княжескаго дома; Гассанъ-Ханъ, сынъ падшаго Меграба, между тѣмъ убѣжалъ и былъ дружелюбно принятъ однимъ союзнымъ племенемъ белуджей. Здѣсь готовилъ онъ средства, чтобы снова взойти на маснадъ отцевъ своихъ, предпріятіе, которое скоро удалось ему по робости новаго хана и по не-

(*) Белуджи называютъ городъ и округъ *Шалль*, афганы—Кветта, что̀ значитъ—крѣпость. См. Masson. 312.

рѣшительности впрочемъ превосходнаго политическаго агента Англіи, поручика Ловде. Навасъ-Ханъ отказался отъ престола и поклялся на будущее время не заводить болѣе связей съ невѣрными. Гассанъ-Ханъ, принявшій потомъ, въ честь своего дѣда, имя Миръ-Назира, вступилъ въ городъ (въ іюлѣ 1840) и захватилъ британскаго агента, который, изъ ложнаго чувства чести и непонятнаго мужества, остался и отдался въ руки дикихъ разбойниковъ брахуи. Шахъ-Навасъ, при капитуляціи Келата, былъ довольно честенъ, чтобы условиться о свободномъ пропускѣ англійскаго агента; поручикъ Ловде отказался отъ пропуска, ибо это имѣло видъ бѣгства. Тщетно Навасъ убѣждалъ его, что онъ играетъ жизнію: ты трусъ, думалъ британецъ, съ тобой нечего говорить—и сдѣлался жертвою ярости кровожадныхъ брахуи. Такъ шли навстрѣчу

вѣрной смерти многіе изъ англичанъ, безумцы, ожидавшіе отъ варваровъ образа дѣйствій образованныхъ народовъ. Мессонъ, изливая желчь на всѣхъ своихъ храбрыхъ соотечественниковъ, не пощадилъ и достойнаго, умнаго келатскаго агента, оставшагося, по его словамъ, для спасенія своего имущества или отъ лѣни уложить его въ чемоданы. Между тѣмъ, по разсказу самого Мессона, Миръ-Назиръ объявилъ, что британскій резидентъ его *баръ*, т. е. искренній другъ, съ которымъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть ничего дурнаго. И притомъ у Ловде было слишкомъ много слугъ и сипайевъ, которые могли избавить его отъ труда укладываться. (*) Переговоры главъ брахуи

(*) См. письмо несчастнаго резидента въ A. J. 34. I. 192. и *Masson*: Journey to Kalat. 176.

съ англійскимъ резидентомъ въ Кветтѣ, веденные во имя молодаго Назира, не повели ни къ чему хорошему; сипаи Ловде разбѣжались, имущество его разграблено, самъ онъ заключенъ въ оковы и наконецъ убитъ. Это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ офицеровъ британской арміи, которая, должно сказать къ ея чести, считаетъ въ рядахъ своихъ много подобныхъ. По ту сторону пролива не думаютъ, чтобы наука и духъ вредили мужеству и военной дисциплинѣ; напротивъ литтературная дѣятельность ведетъ офицеровъ къ почестямъ. Поэтому въ англійской арміи и флотѣ много писателей по различнымъ частямъ словесности. И Мессонъ свидѣтельствуетъ, что молодой воинъ, о которомъ онъ разсказываетъ трогательную исторію, вынесъ всѣ душевныя и тѣлесныя муки безъ стоновъ и жалобъ. Я не

имѣлъ духу, прибавляетъ онъ, говорить съ нимъ.

Мщеніе скоро послѣдовало въ этомъ случаѣ за преступленіемъ. Брахуиская сволочь, разбитая англійскимъ отрядомъ близь Дадара, разсѣялась по разнымъ направленіямъ; Келатъ, оставленный почти всѣми своими жителями, былъ взятъ и бѣжавшій Назиръ скоро потомъ (въ ноябрѣ 1840) долженъ былъ отдаться въ руки своихъ непріятелей. Подчиненіе Назира имѣло слѣдствіемъ успокоеніе всего восточнаго Белуджистана, чему, по всей вѣроятности, гарнизонъ келатскій обязанъ своимъ спасеніемъ въ слѣдующемъ году; сочтено было за лучшее, по всей справедливости, посадить Миръ-Назира келатскимъ ханомъ и притомъ, по позднѣйшему распоряженію лорда Элленбороу, княжество получило тѣ предѣлы, въ какихъ владѣлъ имъ отецъ новаго хана. Ханъ обѣ-

щалъ признавать (іюля 1841) по старымъ обычаямъ Шаха-Шуджу или Англію, своимъ верховнымъ повелителемъ (*) и именемъ ихъ держать въ повиновеніи дикія племена своего народа. Белуджи вообще красивая и сильная человѣческая раса, сходная образомъ жизни и даже государственными и гражданскими учрежденіями съ шотландскими горцами прошедшихъ временъ. Въ отношеніи къ непріятелямъ нѣтъ въ нихъ впрочемъ ни малѣйшей честности, человѣколюбія и великодушія, этихъ неизмѣнныхъ чертъ древнихъ каледонянъ.

Между тѣмъ духъ мятежа возрасталъ съ каждымъ днемъ на глазахъ англичанъ во всѣхъ округахъ народа пушту. Скоро бу-

(*) *Masson.* Journey. 274. 384. Назиру теперь 18 или 19 лѣтъ.

детъ три года, писалъ около этого времени (20 авг. 1841) одинъ молодой офицеръ изъ Кандахара, какъ индійская армія отправилась изъ Фироспура для завоеванія этой несчастной страны. Шахъ-Шуджа долженъ былъ вступить на престолъ отцовъ своихъ и войско должно было возвратиться потомъ въ Индію. Дѣло окончено вотъ уже два года, а мы все ещё здѣсь; правительство не можетъ нести огромныхъ издержекъ, съ которыми сопряжено занятіе Афганистана. Но можемъ ли мы возвратиться? Кругомъ во всей странѣ, съ каждымъ днемъ увеличивается безпокойство. Хайберы, гильджи и Дурани взялись за оружіе, на посты наши дѣлаютъ нападенія, солдатъ нашихъ убиваютъ передъ нашими глазами. Можемъ ли мы оставить Афганистанъ въ такомъ положеніи и, съ другой стороны, перемѣнится ли оно и успокоится ли страна? Никогда,

никогда, — по крайней мѣрѣ, мы до этого не доживемъ. Не могу вамъ сказать, какъ ненавидитъ насъ народъ; всякій, кто убьетъ европейца, считается святымъ. Еще недавно было нѣсколько такихъ убійствъ и мы не можемъ, не должны здѣсь оставаться; мы должны возвратиться, хотя бы даже съ урономъ нашей чести (*).

Первые признаки заговора показались въ осенніе мѣсяцы года, но въ началѣ зимы, такъ говорили заговорщики, когда помощь со стороны Индостана невозможна, должно разразиться всеобщее возстаніе противъ невѣрныхъ разбойниковъ и губителей отечества. Чтобы раздѣлить вниманіе непріятеля и ослабить его силы, начали производить въ одно время, но въ разныхъ мѣстахъ, частныя возстанія, душею которыхъ

(*) Asiat. Journ. 38 I, 256.

былъ по всей вѣроятности Акберъ-Ханъ, прибывшій изъ Колума въ Бгаміанъ. Во всей горной Кабульской странѣ начались безпокойства; нѣкоторыя долины объявили явный бунтъ; въ Хирмендѣ и Кандахарѣ собрались непріятельскія толпы; многіе князья гильджи, придравшись только къ уменьшенію своего жалованья деньгами и натурою, оставили Кабулъ съ своими домочадцами и засѣли въ ущельи Курдъ-Кабулъ, за двѣ нѣмецкихъ мили отъ города, чѣмъ прервана была всякая связь съ Индостаномъ. Бригадиръ Сэль былъ посланъ съ однимъ отрядомъ противъ патріотовъ или бунтовщиковъ, какъ называли ихъ англичане; войско по усмиреніи ихъ должно было идти дальше на Джелалабадъ и, смотря по обстоятельствамъ, или оставаться здѣсь на зимнихъ квартирахъ или идти дальше къ Инду. Но едва Сэль, съ большимъ сопротивленіемъ и потерею,

въ особенности вьючныхъ животныхъ, достигъ Гандамунка, какъ ему было приказано возвратиться въ столицу. Военный совѣтъ былъ убѣжденъ, что это совершенно невозможно: попытка на возвращеніе подвергла бы войско неизбѣжной гибели. Бригада пришла въ Джеллалабадъ (12 ноября) и какъ можно скорѣе укрѣпила по европейски это мѣсто, обведенное валомъ; все тамошнее народонаселеніе, чтò было необходимо по обстоятельствамъ, должно было оставить городъ, даже ремесленники и промышленники, и тамъ горсть храбрыхъ англичанъ выдерживала частыя нападенія многочисленныхъ непріятелей и, пока не пришла помощь изъ Индіи, спасала честь британскаго оружія въ этой части Афганистана (*).

(*) Papers relat. to milit. operat. in Afhanistan, представленныя парламенту 1843.— 2, 7, 18. 18.

Между тѣмъ посланникъ все еще не предвидѣлъ всеобщаго возстанія. Онъ напротивъ защищалъ еще афгановъ отъ тѣхъ, которые, какъ ему извѣстно, готовы при всякомъ случаѣ отзываться неблагосклонно объ жителяхъ и объ учрежденіяхъ этой страны. Правда, что намѣстникъ страны гильджи Гамза-Ханъ обманулъ британцевъ и его величество, но въ этомъ никто не виноватъ; достойная уваженія слабость шаха была причиною неограниченнаго его довѣрія къ сыну человѣка, павшаго за него въ битвѣ. Посланника увѣряли, что гильджи не ропщутъ на уменьшеніе своего жалованья; онъ самъ впрочемъ съ ними не говорилъ. Теперь же онъ знаетъ, что это неправда и что главы ихъ имѣютъ притомъ полное право жаловаться. Послѣднія возстанія не остались безъ результата, ибо они указали ему на слѣдующіе факты: европейскія и индій-

скія войска не могутъ дѣйствовать противъ афгановъ въ ихъ горахъ; послѣдніе привыкли переходить съ вершинъ на вершины и ихъ длинныя винтовки стрѣляютъ гораздо дальше и мѣтче короткихъ англійскихъ ружей. Поэтому, кажется ему лучшимъ отослать изъ Афганистана регулярныя войска и на мѣсто ихъ набрать нѣсколько полковъ изъ юсоффи, андонровъ, когистановъ и хайберцевъ, какъ болѣе привыкшихъ вести войну въ горахъ.» И генералъ Эльфнистонъ и Бёрнсъ, прибавлено было въ этомъ оффиціальномъ письмѣ, тогоже мнѣнія (*). Эти люди, вопреки и опыту и здравому смыслу, хотѣли слѣдственно довѣриться вполнѣ народу, неимѣющему ни малѣйшаго понятія о святости договора и обязательности дан-

(*) Письмо къ индійскому правительству отъ 20 окт. 1841.

наго слова въ отношеніи къ невѣрнымъ. Въ западныхъ странахъ сочиняли какія то чудесныя сказки о причинахъ заговора афгановъ противъ британцевъ; нѣкоторые заходили такъ далеко, что называли русскихъ главными двигателями всего мятежа. Безпристрастная исторія не возложитъ на нихъ отвѣтственности вь ужасныхъ сценахъ, бывшихъ слѣдствіемъ религіознаго фанатизма народа пушту. Англичане погибли, какъ римляне при Квинтиліи Варѣ, отъ вины своихъ собственныхъ предводителей и отъ коварства враговъ.

Въ день годовщины сраженія при нарванскомъ ущельи (2 ноября 1841), рано утромъ разразилась эта буря, всѣ, состоявшіе въ заговорѣ главы, какъ одинъ человѣкъ, разомъ возстали противъ невѣрныхъ френджи. Всѣ лавки были заперты, всѣ обыкновенныя городскія сношенія прекра-

щены и народъ взялся за оружіе. На дома британскихъ офицеровъ и чиновниковъ, за исключеніемъ укрѣпленнаго лагеря въ городѣ, сдѣлано было нападеніе и всѣ найденные въ первую минуту обитатели, женщины, старики и дѣти безжалостно убиты. Бёрнсъ палъ примирительною жертвою непростительнаго заблужденія; онъ увлекъ за собою въ погибель своего брата, нѣсколько другихъ храбрыхъ людей и мужественныхъ сипаи, защищавшихъ своего господина до послѣдняго издыханія. Но и въ эту минуту, по увѣренію достовѣрнѣйшихъ очевидцевъ, еще ничего не было потеряно; нужна была только рѣшимость и полное убѣжденіе въ томъ, что спасеніе заключается въ одномъ оружіи. У безпорядочной и дикой толпы совершенно не было тяжелой артиллеріи; легко было бы обратить ее въ бѣгство и подавить возмущеніе въ самомъ его началѣ

Ханъ Ширинъ-Ханъ, глава кизильбашей, и другіе князья говорили потомъ, что они со всей своей партіей были бы непремѣнно за британцевъ, если бы только они взялись за дѣло, какъ слѣдуетъ, и вступили въ рѣшительную битву съ заговорщиками. Но объ этомъ не было даже и въ поминѣ. Заблужденіе англичанъ до сихъ поръ остается совершенно непонятнымъ; какое-то странное ослѣпленіе и несчастная нерѣшительность оковали дѣятельность многихъ достойныхъ людей; иначе, какъ объяснить себѣ, что европейское войско въ шесть тысячь человѣкъ (должно еще замѣтить, что сверхъ того было двѣнадцать тысячь всякой лагерной сволочи, которая легко могла быть вооружена), владѣя укрѣпленнымъ лагеремъ и находящеюся вблизи крѣпостью, съ провіантомъ, аммуниціею и военными снарядами, такъ постыдно могло быть уничтожено? Это по

видимому, было совершенно невозможно и между тѣмъ было такъ; значительная европейская масса истреблена дикими азіатскими ордами; она не дерзнула на рѣшительное сраженіе, на отмщеніе за кровь своихъ товарищей, умерщвленныхъ дикими непріятелями! Очевидецъ, человѣкъ съ головою и сердцемъ, которому мы обязаны многими подробностями объ этихъ, негодованіе и состраданіе, презрѣніе и удивленіе, ужасъ и печаль возбуждающихъ, событіяхъ, поручикъ Айръ заключаетъ разсказъ свой о второмъ ноября слѣдующими словами: «этотъ несчастный день прошелъ безъ всякаго проявленія британской власти и силы. Наши соотечественники были умерщвлены, государственное и частное имущество истреблено и расхищено; и все это едва на одну англійскую милю разстоянія отъ нашего лагеря, даже въ окружности балагисарскаго вала; и все это было не отомщено, не наказано.»

Предусмотрительный полководецъ непремѣнно прежде всего бы поставилъ войско и устроилъ магазины въ этой, нахощейся на вершинахъ и владычествующей надъ городомъ, крѣпости. Но въ Бала-Гисарѣ былъ весьма небольшой гарнизонъ; масса войска стояла на широко раскинутыхъ квартирахъ, хотя и обнесенныхъ валомъ, но окруженныхъ отвсюду высотами. Лагерь былъ расположенъ такъ, что всякому военному человѣку видна была недостаточность этого войска на случай осады. Сверхъ того магазины были помѣщены внѣ укрѣпленныхъ линій, въ старомъ фортѣ, находившемся въ положеніи совершенно беззащитномъ. Если бы сняли всѣ эти неудобные посты и укрѣпились въ Бала-Гисарѣ, то, безъ сомнѣнія, и войско и честь Великобританіи были бы спасены. Генералъ Эльфинстонъ, обезсиленный духовно и тѣлесно продолжительною болѣз-

нію, былъ неспособенъ принять какое либо мужественное, рѣшительное намѣреніе; онъ остался на своихъ неудобныхъ постахъ и видѣлъ, ни на что не рѣшаясь, какъ съ каждымъ днемъ тысячи человѣкъ все болѣе и болѣе приближались къ погибели.

Британцы упали духомъ и были оставлены, какъ это обыкновенно бываетъ, всѣми своими старыми друзьями и льстецами. Скоро убѣдились они, что не имѣютъ ни одного искреннаго доброжелателя въ афганской націи; даже Шахъ-Шуджа былъ имъ подозрителенъ, и, какъ мы увидимъ послѣ, не безъ основанія; непонятно въ самомъ дѣлѣ, чтобы ему и окружающимъ его заговоръ былъ совершенно неизвѣстенъ; при такихъ обстоятельствахъ, быстро приближалась къ развязкѣ страшная трагедія, единственная во всей англо-

индійкой военной исторіи. Афганскій горный полкъ въ Кандахарѣ и Кохистанѣ, стоявшій по сѣверозападной линіи, за пять нѣмецкихъ миль отъ Кабула, перебилъ всѣхъ своихъ европейскихъ офицеровъ и присоединился къ возставшей партіи; въ самомъ Кабулѣ, послѣ слабаго сопротивленія, взяты были магазины; войско пришло сначала въ ярость, но не призываемое ни къ какому рѣшительному дѣйствію, впало потомъ въ уныніе. Отчаяніе напало на самыхъ первыхъ людей войска, и совѣтовались, нельзя ли уйти въ Джеллалабадъ. Мекнайтенъ не одобрилъ этого намѣренія. «Подобное отступленіе, говорилъ онъ, будетъ постыдно для отечества и гибельно для всѣхъ; притомъ же, въ самомъ лучшемъ случаѣ, пробьется только войско; весь же лагерь погибнетъ. Можетъ еще придти помощь изъ Кандахара.» Черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія,

бывшаго къ величайшей невыгодѣ англичанъ, Мухаммедъ-Акберъ самъ разсудилъ явиться на мѣстѣ дѣйствія ; онъ оставилъ Бгаміанъ и,(22 ноября) окруженный ордами фанатиковъ воиновъ, вошелъ въ Кабулъ.

На отлогомъ холмѣ, за полъ англійской мили отъ лагеря, лежитъ деревенька *Беймару*, что значитъ лишенная мужа, названная такъ отъ могилы прекрасной невѣсты, не насладившейся своимъ счастіемъ; жители ея доставляли, по взятіи магазиновъ, за большія деньги, съѣстные припасы англійскому войску; наконецъ и эту деревушку заняли непріятельскія толпы. На военномъ совѣтѣ рѣшено было взять ее приступомъ и укрѣпить противъ непріятеля. Этотъ день (25 ноября) рѣшилъ судьбу британцевъ въ Афганистанѣ. Бригадиръ Шильтонъ, какъ доказали ему люди искусные въ военномъ дѣлѣ, надѣ-

лалъ множество непростительныхъ ошибокъ; войска увидѣли, что ими жертвуютъ безъ нужды, отказались повиноваться и бѣжали искать защиты за лагернымъ валомъ. Тѣмъ яростнѣе рвались впередъ непріятели съ оглушительнымъ крикомъ: эль кафиръ Исламъ! — на невѣрныхъ! Потеря англичанъ была ужасна (*). Если бы одинъ изъ афганскихъ главъ, преслѣдовавшій ихъ по пятамъ, не остановился добровольно и не остановилъ своей толпы, всѣ солдаты, бѣжавшіе отъ Беймару, сдѣлались бы добычею меча. Единственная пушка отряда, что также странно, ибо по самымъ простымъ стратегическимъ правиламъ никакому отряду нельзя быть съ одной пушкой, равно какъ всѣ военные снаряды, досталась въ добычу пушту (**).

(*) Pap. relat. to Afghanistan. 61.

(*) Eyre. 115.

Такъ какъ не рѣшались пробиться къ городу, то единственнымъ выходомъ оставалось отдаться на волю и милость кровожадныхъ и хищныхъ главъ. Шахъ-Шуджа, приведенный въ страну невѣрными, съ самаго начала возмущенія былъ объявленъ недостойнымъ престола и шахомъ назначенъ Симанъ, племянникъ Доста. Именемъ этого новаго князя сдѣланы были англичанамъ мирныя предложенія. Если бы афганы не остановились добровольно въ преслѣдованіи, чужеземцы непремѣнно бы погибли; это впрочемъ не принимается въ расчетъ. Единственное желаніе афганскаго народа было то, чтобы чужеземцы удалились и предоставили туземцамъ управленіе страною по их старымъ обычаямъ и свободный выборъ себѣ князя. Но условія, предложенныя двумя начальниками заговора Аминуллахъ-Ханомъ логарскимъ и Абдаллахомъ-Агасси, были до такой степени

своемъ мнѣніи; совѣтъ опредѣлилъ черезъ три дня формально написать и подписать съ обѣихъ сторонъ договоръ. Британцы оставятъ укрѣпленія и будутъ тотчасъ же снабжены съѣстными припасами и всѣмъ нужнымъ.

Хитрый и сладкорѣчивый Акберъ равно умѣлъ обманывать и правовѣрныхъ и невѣрныхъ; для исполненія своихъ злодѣйскихъ плановъ, онъ рѣшился, съ одной стороны, убѣдить главъ въ коварствѣ Франковъ, съ другой, завлечь въ свои сѣти посланника. Мекнайтенъ былъ правая рука лорда Оукленда; онъ первый доказывалъ необходимость завоеванія Афганистана; отъ счастливаго окончанія предпріятія зависѣла слава его имени. Можно осуждать его образъ дѣйствія съ моральной стороны, но всякій найдетъ естественнымъ, что этотъ человѣкъ, испытавшій кораблекру-

шеніе, хватался за малѣйшую доску для спасенія жизни и чести своей и своего семейства. Мухаммедъ-Акберъ склонилъ государственнаго мужа къ вѣроломству и потомъ предалъ смерти. Сирдаръ сдѣлалъ посланнику слѣдующія тайныя предложенія: Аминуллахъ, сильнѣйшій изъ главъ возставшей партіи послѣ Акбера, будетъ схваченъ и выданъ англичанамъ какъ плѣнникъ. Шахъ-Шуджа останется на престолѣ, но Мухаммедъ-Акберъ будетъ его визиремъ; британцы, до слѣдующей весны, останутся въ странѣ, удержатъ нѣкоторыя крѣпости и будутъ получать всѣ нужныя жизненныя средства». Договоръ должно было написать на слѣдующій день; посланникъ далъ свое письменное согласіе и этимъ самымъ подписалъ себѣ смертный приговоръ.

Рано утромъ (23 дек.) Мекнайтенъ

позорны, что отвергнуты въ туже самую минуту: «Шахъ-Шуджа и все его семейство должны быть выданы, англичане должны положить оружіе и вполнѣ отдаться на волю афгановъ; можетъ быть, пощадятъ ихъ жизнь; но они должны обязаться, что тотчасъ же оставятъ страну и никогда въ нее не возвратятся.» Посланникъ пригласилъ (11 дек.) собраніе князей къ переговорамъ и передалъ имъ съ своей стороны условія, на которыхъ онъ желалъ бы заключить миръ. «Британцы очистятъ Афганистанъ, Кабулъ, Кандахаръ, Гизни, Джеллалабадъ и всѣ посты во внутренности страны пушту; Достъ-Мухаммедъ и афганы, взятые съ нимъ въ плѣнъ, возвратятся въ отечество; между двумя государствами, Афганистаномъ и Великобританіей, заключенъ будетъ наступательный и оборонительный договоръ; афганы дозволятъ англичанамъ свободно

возвратиться въ Индостанъ, объявятъ амни-стію приверженцамъ англичанъ и шаха и доставятъ всѣ перевозныя и жизненныя средства, нужныя для войска и княжеской фамиліи. Для обезпеченія, съ обѣихъ сторонъ дано будетъ по равному числу заложниковъ (*). Главы нашли эти условія приличными и согласились на нихъ; только Акберъ, сынъ Достъ-Мухаммеда, былъ противъ нихъ: онъ не нуждался въ мирѣ и не хотѣлъ его; напротивъ, даже при этомъ свиданіи, онъ замышлялъ измѣну и хотѣлъ провести посланника. Мекнайтенъ предчувствовалъ опасность, но, какъ для спасенія войска, такъ и для чести Великобританіи, надобно было показать мужество и довѣріе. Акберъ остался одинъ при

(*) Договоръ помѣщенъ въ концѣ дневника леди Сэль. Но вѣроятно согласились и на счетъ тайныхъ статей. L. Sale. 1. 246.

лись толпы вооруженныхъ афгановъ и ихъ начальниковъ, что внушило подозрѣнія одному изъ офицеровъ. Но Мухаммедъ-Акберъ совершенно успокоилъ его увѣреніемъ, что все это друзья и посвященные въ тайну заговора. Посланникъ и Акберъ, вмѣстѣ съ ихъ свитой, расположились на одной высотѣ и Мекнайтенъ подарилъ сирдару превосходнаго арабскаго коня, купленнаго въ то утро и заплаченнаго четыре тысячи червонцевъ. Вдругъ сэру Уилльяму и тремъ его товарищамъ скрутили назадъ руки. Ихъ тотчасъ же обезоружили. Гильджскіе ханы сѣли съ ними на лошадей и поскакали. Князья были окружены многочисленною свитою, которая едва могла отгонять кровожадныхъ хаси, стремившихся къ англичанамъ съ своими длинными ножами и несмѣвшихъ стрѣлять отъ боязни попасть въ своихъ начальниковъ. Изъ лагеря между тѣмъ спокойно смотрѣли,

какъ посланникъ, высокій и сильный мужщина, долгое время боролся еще съ Акберомъ и какъ его прекрасныя, мужественныя черты были потомъ обезображены испугомъ и ужасомъ; скоро вся толпа изчезла вдали и никто не зналъ что съ ними сталось. Послѣ узнали, что Акберъ обязался взять въ плѣнъ министра, привести его и заставить подписать условія. Сопротивленіе Мекнайтена помѣшало исполненію этого плана и Акберъ застрѣлилъ его изъ пистолета, который посланникъ не задолго передъ тѣмъ подарилъ ему; потомъ, правовѣрные хаси разорвали на куски тѣло Мекнайтена и неистовствовали надъ нимъ, какъ нѣкогда германцы надъ трупами римлянъ. Капитанъ Трейръ, одинъ изъ трехъ офицеровъ, взятыхъ съ Мекнайтеномъ, соскочилъ съ лошади и былъ пронзенъ тысячью кинжаловъ; двое другихъ были заключены въ тѣсную комна-

предписалъ больному, возбуждающему наше состраданіе, генералу, снабдить двумя пушками два полка для тайнаго порученія, укрѣпить валы и велѣть каждому быть готовымъ на всякій случай; ибо нынѣ важный день, отъ котораго зависятъ, можетъ быть, судьба британскаго войска и честь Великобританіи. «Я условился съ Мухаммедъ-Акберомъ, сказалъ Мекнайтенъ Эльфинстону; мы остаемся здѣсь; Шуджа королемъ, а сирдаръ его визиремъ; онъ получитъ большую сумму денегъ и выдастъ намъ плѣнникомъ Аминуллахъ-Хана». Мнѣ не нравится этотъ заговоръ, возразилъ Эльфинстонъ, нѣтъ ли тутъ какой опасности?—Ни малѣйшей, я увѣренъ, что все удастся какъ нельзя лучше. — Когда же генералъ еще разъ повторилъ свои опасенія, посланникъ отвѣчалъ ему довольно грубымъ тономъ: « предоставьте ужь мнѣ—я знаю это луч-

ше васъ» (*). Генералъ, вѣроятно, оскорбленный этимъ, пренебрегъ исполненіемъ приказаній посланника, и войска не были готовы. Мекнайтенъ, увидѣвъ это, не могъ удержать своего неудовольствія и сказалъ: «это принадлежитъ къ числу прочихъ дурныхъ распоряженій во все время осады.» Тогда только въ первый разъ объявилъ посланникъ офицерамъ своей свиты о заговорѣ. На возраженіе, что это предпріятіе очень опасно, онъ отвѣчалъ съ рѣшимостію: «Ну да, здѣсь есть опасность; но если удастся, мы спасены; во всякомъ случаѣ, лучше сто разъ умереть, чѣмъ прожить эти страшныя шесть недѣль».

Между тѣмъ вокругъ лагеря собира-

(*) Elphinstone. Memorandum. 1813. As. Journ. 189.

ту, куда имъ въ насмѣшку бросили руку убитаго посланника. Начальники прославляли Мухамедъ-Акбера и счастливое окончаніе дня. Но среди ихъ радостныхъ восклицаній, раздавался голосъ одного муллы: «стыдно, стыдно, говорилъ онъ, измѣною покрыли вы, князья, имя Мухаммеда на вѣчныя времена, стыдомъ и позоромъ, позоромъ и стыдомъ».

Что же дѣлала между тѣмъ многочисленная стража, сопровождавшая посланника, что дѣлали тысячи вооруженныхъ людей, въ глазахъ которыхъ совершались всѣ эти измѣны, всѣ эти злодѣянія? Когда стража, стоявшая всего за нѣсколько сотъ шаговъ отъ лагеря, увидѣла, что посланника и его спутниковъ схватили, она обратила тылъ и побѣжала къ валу, гдѣ стояло войско, спокойно смотрѣвшее на приготовленія непріятеля. До

такой степени въ этихъ войскахъ и ихъ начальникахъ исчезло всякое чувство чести, что не послано было непрiятелямъ ни одной бомбы, ни одного ядра. Это войско обречено было погибели (*).

Главы объявили, что кровавыя событiя дня (24 дек.) нисколько не уничтожили взаимныхъ догогоровъ и обязанностей. Посланникъ сталъ жертвою своей измѣны, а капитанъ Трейръ погибъ случайно. Обрадовались этому насмѣшливому объявленiю, начали сношенiя на основанiи прежняго договора, заплатили всѣ суммы, обѣщанныя министромъ сирдарамъ, дали заложниковъ и кромѣ того денегъ и выдали пушки дикой сволочи. Навабъ-

(*) Оправданiя Эльфинстона, что ничего не знали о происшедшемъ, по самому разсказу его, лишены всякаго основанiя.

Джабаръ-Ханъ и Мухаммедъ-Акберъ обязались съ своей стороны сопровождать войско въ Джеллалабадъ и тотчасъ же удовлетворить его жизненными припасами. Утромъ, передъ отправленіемъ, Акберъ явился, вооруженный и въ сапогахъ со шпорами, въ собраніе начальниковъ. «Куда ты и что ты предпринялъ? спросилъ хана одинъ изъ его родственниковъ. «Истреблять франкскихъ собакъ,» отвѣчалъ онъ. Сообразно съ этимъ, сирдаръ объявилъ гильджамъ по-персидски «удерживать спокойствіе въ курдъ-кабульскомъ ущельи во все время похода», а на языкѣ пушту велѣлъ войскамъ неутомимо истреблять невѣрныхъ. Къ чести афганскаго человѣколюбія, должно замѣтить, что нѣкоторые изъ афгановъ дружески предостерегали британцевъ, совѣтуя имъ не вѣрить словамъ Акбера; въ лицѣ одного Тай-Мухаммеда, явился даже новый Сегестъ, объявившій

англичанамъ о погибели (*); Шуджа тоже говорилъ, что начальники обманываютъ и сговорились всѣ вмѣстѣ истребить войско. Все это были впрочемъ слова на вѣтеръ; войско только за Кабуломъ ожидало спасенія. Какая-то невѣдомая сила отняла у него все мужество и вселила убѣжденіе, что только внутри города ждутъ его измѣна и смерть.

Уже въ ночь на Рождество Христово,— никогда не встрѣчало въ такомъ ужасѣ этого дня хрістіанское войско,—уже въ эту ночь ждали гибели. Но начальники медлили еще четырнадцать дней, чтобы выиграть время и занять своими разбойничьими толпами всѣ ущелья и горныя вершины. Всѣ эти дни солдаты занимались снабже-

---

(*) Lady Sale. I. 219. 251. Были и другіе измѣнники. II. 260.

ніемъ себя множествомъ предметовъ, которые цивилизованному человѣку столь же необходимы, какъ дикимъ чадамъ натуры чувственныя наслажденія. Очень хорошо зная, что при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ нельзя будетъ провезти съ собой, зимою и по глубокому снѣгу ущелій, весь этотъ багажъ, каждый бралъ съ собою все лучшее изъ книгъ, музыкальныхъ инструментовъ и проч., потомъ уничтожалъ все остальное (въ послѣдніе дни топили даже краснымъ деревомъ) или оставлялъ варварскому народу. Большая часть британцевъ, и притомъ людей семейныхъ, теряли весь прибытокъ многихъ лѣтъ; потому что, въ своемъ ослѣпленіи, они выстроили себѣ дома и располагались жить въ Кабулѣ.

Наконецъ наступилъ давно и нетерпѣливо ожидаемый день (6 янв. 1842). Горы и

долины покрыты были глубокимъ снѣгомъ и холодъ стоялъ такой, что отъ него не спасала даже самая теплая одежда. Еще до восхода солнца начались приготовленія къ путешествію; но не видать было никакихъ провожатыхъ, которые защищали бы отъ нападеній разбойниковъ и убійцъ. И теперь даже, послѣ значительныхъ потерь и оставивши всѣхъ раненыхъ въ городѣ, британцы считали 4500 человѣкъ подъ ружьемъ, и кромѣ того еще, безъ женщинъ и дѣтей, двѣнадцать тысячь обозныхъ; этотъ многочисленный хвостъ, неизбѣжное зло индійскихъ армій, въ особенности содѣйствовалъ къ погибели, постигшей въ скоромъ времени остатки многочисленнаго индійскаго войска. Едва только войска, со всѣми своими многочисленными женами(*) и дѣтьми,

(*) По расказу леди Сэль, сипаямъ позволено было

оставили укрѣпленныя линіи, какъ хищные афганы, подобно дикимъ звѣрямъ, ворвались въ отворенныя ворота и начали грабежъ. Хаси съ демонскимъ крикомъ радости бросились на валы, начали стрѣлять изъ своихъ длинныхъ и мѣткихъ винтовокъ (надобно замѣтить, что ни одинъ афганъ ни разу не стрѣляетъ даромъ) по заднимъ рядамъ отрядовъ, зажгли жилища британцевъ, и пламя въ продолженіи всей ночи озаряло на нѣсколько миль покрытую снѣгомъ равнину, представляя великолѣпное и ужасающее зрѣлище.

Начальники приняли заложниковъ, но какъ мы сказали, не появлялось для сопровожденія никакого афганскаго отряда. Было уже два часа пополудни, а войско

взять съ собою женъ, чтобы имъ веселѣе было оставаться въ странѣ.

едва еще достигло Беграма, деревни, лежащей въ одной нѣмецкой милѣ отъ Кабула; оно страдало отъ усталости, голоду и мучительной жажды, ибо за недостаткомъ огня нельзя было растопить льду, и при концѣ перваго дня желало не дожить до слѣдующаго. Не было никакого порядка; полки и роты смѣшались, солдаты бѣжали впередъ и каждый думалъ только о самомъ себѣ; ничья сострадательная рука не помогала беззащитнымъ и утомленнымъ. Палатки изъ бумажной матеріи въ этой странѣ весьма плохая защита отъ страшнаго холода, но у многихъ не было даже и этого убѣжища; безъ пищи и безъ огня легли они на голый снѣгъ и сѣрое утро, сопутствуемое обыкновенно пронзительно холоднымъ вѣтромъ, не разбудило многихъ изъ индусовъ и европейцевъ. Замѣчательно, что туземцы и при подобныхъ обстоятельствахъ умѣютъ спастись

отъ замерзанія. Они очищаютъ одно мѣсто отъ снѣгу, ложатся кругомъ какъ можно ближе другъ къ другу, ноги въ ноги. Англичане, проводившіе ночь такимъ образомъ, разсказываютъ, что они не чувствовали нисколько холоду.

На слѣдующій день не было подано никакого знака трубами; каждый всталъ когда хотѣлъ; войско справа и слѣва окружено было афганской пѣхотой и конницей, которыя были сочтены довѣрчивыми британцами за конвой; они не знали, что еще за нѣсколько недѣль Акберомъ разосланы были письма къ главамъ колѣнъ отъ Кабула до Пешавера съ увѣщаніями: собрать всѣхъ своихъ людей, напасть на невѣрныхъ въ ущельяхъ и умертвить ихъ» (*). Злодѣй хвалился потомъ при

(*) Papers relat. to Afghanistan. 63.

англійскихъ плѣнныхъ, что онъ собственноручно убилъ посланника и уничтожилъ цѣлое войско невѣрныхъ! Эти толпы пуншту скоро явились неумолимыми непріятелями; они открыли сильный ружейный огонь противъ войска, истребили утомленный усталостью арьергардъ, взяли множество военныхъ снарядовъ и между прочимъ, нѣсколько пушекъ; другія, которыхъ не могли везти усталыя лошади, были брошены; даже часть собственнаго хвоста войска присоединилась теперь къ разбойникамъ; расхищены были всѣ вещи, служившія для чувствительныхъ сердецъ напоминаніемъ о дружественныхъ или родственныхъ связяхъ: миніатюрные портреты, альбомы и письма. Акберъ, измѣнникъ, находившійся по близости, далъ знать генералу, что онъ долженъ провести ночь въ Буджакѣ и обязаться не переходить по ту сторону Тесина, пока не бу-

детъ получено извѣстія о томъ, что генералъ Сэль, сообразно съ полученными имъ приказаніями, очистилъ Джеллалабадъ; тогда только войско будетъ оставлено въ покоѣ и обильно снабжено всѣми нужными припасами». Генералъ изъявилъ свое согласіе и, по требованію сирдара, далъ шесть новыхъ заложниковъ. Армія, въ продолженіе двухъ дней, отступила не болѣе, какъ на двѣ нѣмецкихъ мили, и стояла теперь у входа въ курдъ-кабульское ущелье, представляя собою дикую, никому не подчиненную массу. Еще разъ для этихъ несчастныхъ спустилась ночь со всѣми ея ужасами: голодомъ, жаждою, холодомъ, замерзаніемъ и смертію. Нѣтъ смерти ужаснѣе замерзанія, по словамъ одного полузамерзшаго очевидца; холодъ проникаетъ въ каждый членъ, жизнь угасаетъ медленно, посреди ужасныхъ мученій. Акберъ, разумѣется, не сдержалъ

своего слова ; онъ не прислалъ ни дровъ, ни жизненныхъ припасовъ; напротивъ того, новыя толпы афганскихъ всадниковъ, —а за каждымъ всадникомъ сидѣлъ еще на лошади пѣхотинецъ,—бросились съ начала дня на проснувшихся англичанъ. Въ скоромъ времени множество британцевъ осталось на мѣстѣ; раненныхъ, едва тащившихся солдатъ, поражала пѣхота своими длинными ножами, производившая рѣзню въ собственномъ смыслѣ слова. Поражали даже уже убитыхъ непріятелей.

Генералъ Эльфинстонъ жаловался на вѣроломство. Пришлите мнѣ трехъ офицеровъ, Поттенджера, Лоуренса и Меккензи, отвѣчалъ ему сирдаръ, и непріязненныя дѣйствія окончатся; даже ущелье будетъ очищено отъ гильджи, ожидающихъ васъ на пути. Это были опять вѣроломныя обѣщанія! Ущелье курдское

или клемъ-кабульское идетъ, на пространствѣ одной нѣмецкой мили, между двумя рядами горъ, соприкасающихся такъ близко, что въ ущелье зимою не проникаютъ даже лучи солнца. Въ срединѣ его быстрый горный источникъ, не замерзающій даже въ это холодное время и покрытый льдомъ только по краямъ, что дѣлало переходъ совершенно невозможнымъ. Опять тщетно ждутъ приказа идти. Каждый рѣшился идти, какъ можно скорѣе ; вездѣ валялось множество замерзшихъ труповъ, едва сто человѣкъ были въ состояніи нести оружіе. Полуобезумѣвшіе сипаи жгли свои одежды, чтобы согрѣться ; другіе разбивали боченки съ виномъ и водкой и пили съ остервененіемъ ; пили даже женщины, давая по цѣлому стакану хереса дѣтямъ, которымъ это не вредило, по причинѣ холода. Тамъ, гдѣ ущелье съуживается въ небольшую разсѣлину, на

высотахъ засѣли гильджи и встрѣтили передніе ряды, въ которыхъ находилась часть женщинъ, убійственнымъ огнемъ. Женщины поскакали въ галопъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль и ни одна не была ранена, кромѣ леди Сэль, которая слѣдующими простыми словами описываетъ свое страшное положеніе: «къ счастію, одна только пуля попала мнѣ въ руку; три другихъ пролетѣли около плеча черезъ афганскую овчинную шубу, не сдѣлавши никакого вреда» (*). Въ этотъ день погибло пятьсотъ человѣкъ солдатъ и болѣе двухъ тысячь пяти сотъ человѣкъ лагернаго сброда.

На слѣдующее утро, войско ушло уже

(*) *Леди Сэль.* II. 20. Сомнительно, чтобы *Леди* вела свой дневникъ отъ начала похода до конца. Мнѣ кажется это невозможнымъ.

на одну англійскую милю отъ лагеря, какъ пришло приказаніе остановиться здѣсь на день. Это было сдѣлано по требованію сирдара, которому, какъ говорилъ онъ, нужно это время, для распоряженій о защитѣ и снабженіи войска продовольствіемъ. Ослѣпленные начальники согласились на это, но самыя войска, въ особенности молодые солдаты изъ индусовъ, начали по всей справедливости опасаться измѣны и стали дезертировать огромными толпами. Здѣсь, по требованію Акбера, которое было приказомъ для британцевъ, всѣ дѣти, жены и ихъ мужья выданы были сыну Достъ-Мухаммеда, который обѣщалъ проводить ихъ въ Джеллалабадъ и снабдить всѣми припасами. Многіе услыхали объ этомъ съ радостью, ибо только такимъ образомъ можно было спастись отъ смерти. Но съ ними тотчасъ же стали поступать какъ съ плѣнными, отвели ихъ въ курдъ-

кабульскія крѣпости и тамъ бросили въ тѣсныя и нечистыя ямы. «Будьте покойны и благонадежны! сказалъ сладкорѣчивый ханъ своимъ *гостямъ*—ибо Боже избави, чтобы считали васъ плѣнниками; черезъ нѣсколько дней прибудете вы въ Джеллалабадъ къ вашимъ друзьямъ и родственникамъ». Прекрасный собою, молодой человѣкъ (сирдару нѣтъ еще 30 лѣтъ), произвелъ своими льстивыми словами такое впечатлѣніе на дамъ, что онѣ готовы были дать вѣру словамъ его.

Теперь, когда исполнено его требованіе, увѣрялъ сирдаръ, остатокъ британцевъ будетъ препровожденъ въ Джеллалабадъ и имъ будутъ тотчасъ же доставлены дрова и съѣстные припасы. Съ робкою надеждой ждали до поздняго вечера, потомъ опять легли на голый снѣгъ и утро слѣдующаго дня освѣтило еще разъ замерзающихъ и голодныхъ. Оставшіеся

въ живыхъ, дикими, полубезумными глазами, смотрѣли на трупы прежнихъ своихъ товарищей, завидуя ихъ участи. Въ этотъ день наконецъ (10 янв.) исполнилось желаніе большей части ихъ: они были перерѣзаны. Къ срединѣ дня, отъ всего войска остались толпа обозныхъ и двѣсти семьдесять человѣкъ солдатъ. Я не въ состояніи, объявилъ наконецъ Акберъ, удержать ярость гильджи; солдаты должны положить оружіе и отдаться на ихъ волю, потомъ ихъ и женщинъ онъ проводитъ въ Джеллалабадъ: обозные же должны подчиниться своей судьбѣ. На это генералъ не могъ согласиться. Снова началось шествіе подъ убійственнымъ огнемъ хази и только немногіе достигли вечеромъ лагеря у Тесина. На вопросъ генерала, на какихъ условіяхъ можетъ быть пощаженъ остатокъ войска, ему отвѣчали прежними условіями.

·Только теперь увидалъ несчастный военачальникъ, что все войско осуждено на неизбѣжную погибель. Кое-какъ собрали всю свою послѣднюю бодрость, чтобы пройдти черезъ страшное ущелье Джигдиллагъ подъ покровомъ ночи и уйти отъ врага. Больные, раненные, однимъ словомъ, всѣ безпомощные были предоставлены на волю судьбы; даже послѣднія пушки оставлены въ Теснинѣ, гдѣ остался человѣколюбивый докторъ Кэрдью, въ надеждѣ, что авось либо непріятель пощадитъ беззащитныхъ. Тщетная надежда! Эти звѣри въ человѣческомъ образѣ ночевали въ прежнихъ кельяхъ кроткихъ, щадящихъ все живущее, буддистскихъ монаховъ и думали о грабежѣ и убійствѣ; съ какой-то демонской веселостью совершали они величайшія злодѣянія, эти правовѣрные, пилигримствующіе ко гробу Ламеха, невкушающіе

свинаго мяса (*) и не глядящіе въ лице плѣннымъ женщинамъ. Только небольшое число англичанъ достигло мѣста и искало за разрушенными стѣнами, на одной высотѣ, защиты отъ преслѣдующаго непріятеля. Эта горсть людей терпѣла всѣ муки голода и жажды; жадно бросались на сырое мясо и дрожащими руками огребали съ земли снѣгъ. Акберъ прислалъ приказаніе явиться къ нему генералу и двумъ офицерамъ. Эти люди до такой степени забыли о своей чести и о чести ввѣреннаго имъ войска, что повиновались тотчасъ же; они, какъ и надобно было ожидать, были удержаны Акберомъ въ качествѣ плѣнныхъ (**).

(*) Не разъ кровожадные главы бросали свои шелковые платки на лице англичанокъ, боясь грѣха смотрѣть въ лице чужестранкамъ.

(**) Эльфинстонъ умеръ въ плѣну 23 апр. 1842.

Оставленные солдаты и офицеры, въ числѣ двухсотъ восмидесяти человѣкъ, съ изумленіемъ и дикимъ отчаяніемъ, смотрѣли на своихъ предводителей. Тщетно генералъ хотѣлъ оправдать свое поведеніе необходимостью; онъ надѣялся спасти отъ вѣрной гибели послѣдніе остатки войска. Между тѣмъ, пора была хорошенько разглядѣть непримиримаго врага; сирдару хотѣлось спасти только нѣсколькихъ человѣкъ познаменитѣе, за которыхъ можно было взять хорошій выкупъ; генерала, несмотря на всѣ его просьбы, онъ не отпустилъ, остальные всѣ отданы были въ жертву убійцамъ. Цѣлый слѣдующій день войска ждали возврата своего предводителя. Холодъ и утомленіе, голодъ и жажда были совершенно невыносимы. Между тѣмъ гильджи толпами заняли высокія горы и производили убійственный огонь на сжатую кучку британцевъ. Оставшіеся къ

вечеру рѣшились ободриться и продать свою жизнь какъ можно дороже. Небольшая толпа, рано утромъ (13 янв.) достигшая Гандамака, считала въ себѣ едва двадцать человѣкъ вооруженныхъ; нельзя было идти дальше впередъ по открытой отвсюду и отвсюду окруженной непріятелями дорогѣ; опять остановились на высотѣ, рѣшившись до послѣдней капли крови защищаться противъ неумолимаго, ни состраданія, ни пощады не знающаго, непріятеля. Аѳганы не разъ были обращаемы въ бѣгство, ибо пушту, какъ другіе восточные народы, не имѣютъ чувства чести европейскихъ солдатъ; на открытомъ мѣстѣ, при малѣйшемъ сопротивленіи, они предаются бѣгству. Но ихъ собрались огромныя толпы, занявшія одинъ изъ холмовъ; съ этого холма они начали метко стрѣлять въ британцевъ, убивая оѳицеровъ. Потомъ гильджи бросались

на раненныхъ и рѣзали ихъ длинными и острыми ножами, которыми афганы привыкли мастерски владѣть съ дѣтства. Офицеры и солдаты, спасшіеся отъ этой бойни и искавшіе спасенія въ одной близь лежащей деревнѣ, были перерѣзаны поселянами; ибо возстаніе было всеобщее. Только одинъ знатный британецъ, тяжело раненный, достигъ крѣпости, на стѣнахъ которой трубачи играли безпрестанно мелодіи шотландскихъ національныхъ пѣсенъ—сигналъ для блуждающихъ по снѣгамъ соотечественниковъ. Но тщетны были эти мелодіи, на зовъ ихъ не пришли британцы.

Такъ погибли шестьнадцать или семнадцать тысячь человѣкъ отъ ослѣпленія своихъ начальниковъ, отъ измѣны варварскаго непріятеля; и между ними много даровитыхъ, благороднѣйшихъ людей, не-

забывавшихъ даже въ это стращное время человѣколюбія и шедшихъ часто на встрѣчу смерти для спасенія друга, женщины или ребенка.

Конецъ.

19 V 8

[illegible]

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ

П. В. ГОЛУБКОВА.

1. Собраніе актовъ о привиллегіяхъ, дарованныхъ англійскимъ правительствомъ Остъ-индской компаніи и Лондонскому-Банку. М. 1843 г. 1 р. сереб.
2. Англійская Индія въ 1842 году. Соч. графаВаррена. 3 части. М. 1845. г. 3 р. сер.
3. Британская Имперія въ Индіи. Соч. графа Біорнштіерны, съ картою. 1847 г. 3 р. сер.
4. Кабулъ. Соч. Александра Борнса, съ рисунками. 2 части. М. 1847 г. 3 руб. сер.
5. Наполеоновскій проэктъ сухопутной экспедиціи въ Индію. М. 1847 г. 50 к. сереб.
6. Очеркъ жизни и дѣяній графа А. В. Суворова-Рымникскаго (имъ самимъ написанный). М. 1848 г. 50 к. сереб.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

7. Путешествіе къ Бохару. Соч. Александра Борнса.
8. Индія подъ англійскимъ владычествомъ. Соч. Барну де Напоэна.
9. Землевѣдѣніе въ отношеніи къ природѣ и человѣку. Соч. Карла Риттера.